

Ростислав Марченко

ГАДЮКИНСКИЙ МОСТ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Ростислав Марченко

Гадюкинский мост

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марченко Р. А.

Гадюкинский мост / Р. А. Марченко — «АСТ», 2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-100731-7

Командир парашютно-десантного взвода лейтенант Александр Суоров, провалившийся вместе с подчиненными в 1941 год в результате неизвестного науке феномена, не склонен предаваться рефлексиям. Хотя Александр неглуп, самолюбив и жаждет отличиться, он не только не рвется во встречном бою наголову разгромить танковую группу генерал-полковника Эриха Гёпнера, но даже не готов замахнуться на любой из его танковых батальонов. Все, что ему нужно под гнетом сложившихся обстоятельств, – максимум сутки оборонять брод и железнодорожный мост через реку Чернянка в районе деревни Гадюкино, не допуская переправы там войск противника, и после выполнения данной задачи оторваться от них, очень желательно не оставив в трофеях врага никаких хайтеков из будущего. Хотя на первый взгляд стоящая перед Александром задача и кажется довольно простой, враг имеет привычку создавать множество неожиданных проблем...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100731-7

© Марченко Р. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Жизнь первая	8
Жизнь вторая	26
Жизнь третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ростислав Марченко

Гадюкинский мост

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 97

© Ростислав Марченко, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

...Если бы на меня возложили руководство сражением при Ватерлоо, битвой при Седане или при Булл-Ране, то я бы знал все о том, что делать, и, несомненно, сдал бы все экзамены касательно данных сражений. Я знал, как руководить дивизией или даже армейским корпусом, однако глупая игра касательно обороны переправы небольшим отрядом являлась, как ни странно, настоящей загадкой...

«The Defence of Duffer's Drift»

Капитан Э. Д. Сунтон, D.S.O., R.E.,

в будущем генерал-майор сэра Эрнест Сунтон, K.B.E., C.B., D.S.O.

Предисловие

*...Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели...
Сунь-цзы, «Искусство войны», V век до н. э.*

Как подсказывает опыт глобальных и локальных конфликтов последнего столетия, вложенные в уста молодого лейтенанта слова ветерана недавней англо-бурской войны капитана Эрнеста Данлопа Суинтона, будущего создателя британских танковых войск, министра авиации и профессора военной истории Оксфордского университета, рискуют стать бессмертными:

«...Если бы на меня возложили руководство сражением при Ватерлоо, битвой при Седане или при Булл-Ране, то я бы знал все о том, что делать, и, несомненно, сдал бы все экзамены касательно данных сражений. Я знал, как руководить дивизией или даже армейским корпусом, однако глупая игра касательно обороны переправы небольшим отрядом являлась, как ни странно, настоящей загадкой...»

Замысел данной книги родился под впечатлением от написанной Суинтоном в 1904 году и в настоящий момент уже практически бессмертной в определенных кругах «загнивающего Запада» повести «The Defence of Duffer's Drift», а также произведений его довольно многочисленных последователей, ни один из которых, как и сам Суинтон, в России официально не переводился.

Исходная «Оборона брода Балбесов», структурно представляющая собой сборник из шести новелл-«снов», посвященных вариантам решения, казалось бы, простенькой тактической задачи по обороне английским пехотным взводом речного брода от окрестных бурских партизан, настолько великолепно осветила в тексте парадигму «Уставы пишутся кровью» и важность подготовки младшего офицерского состава к самостоятельному ведению боевых действий, что уже практически сотню лет периодически переиздается и по факту является обязательной к изучению в военных учебных заведениях англоязычных государств.

Вторым источником вдохновения автора стала модная среди современных писателей тема альтернативной истории с нашими современниками, массами проваливающимися сквозь время в годы Великой Отечественной войны. Герои этих произведений в лучшем случае учат военному ремеслу Георгия Константиновича Жукова, в худшем же, толкаясь локтями под напевы Высоцкого на заляпанном фронтовой грязью зеленом ковре, раскрывают глаза товарищу Сталину на гений конструкции РПГ-7 или, как вариант, – на командирскую башенку Т-34 и 7,62-миллиметровый автоматный патрон образца 1943 года, пытаясь пролезть в советники.

На чем основана уверенность в интеллектуальном, профессиональном и морально-волевом превосходстве немногих внуков над многочисленными дедами, как правило, решительно непонятно. Убежденность авторов в невероятном уровне владения воинскими специальностями нашими современниками, которым даже в спецназе служить не обязательно – страйкбола вполне достаточно, не может не поражать. Если исходить из таких текстов, только современных страйкболистов и не хватало предкам для воспрепятствования появлению немецких мотоциклистов в Химках и разведотряда на бронемашинах у Астраханской железной дороги.

Понятно, в жизни все было гораздо, гораздо страшнее. Первый период Великой Отечественной войны – это картина, в буквальном смысле написанная кровью и именно советских воинов в основном. Дешевая мазня, изображающая не пойми кем сильнейшего в российской истории врага, военная машина которого в буквальном смысле слова, перемалывая все встреченное, через полгода войны дошла до Москвы, а через год и до линии Архангельск – Астрахань, является неприкрытым оскорблением как для тех, в чьих костях в приволжских степях

завязли гусеницы немецких танков, так и для тех, кто, сменив погибших, закончил войну в Берлине.

Чванство, шапкозакидательство и заочные победы никогда никого ни к чему хорошему не приводили. История вообще и военная в частности помогает изучать прошлые ошибки, чтобы избегать их в будущем. И уж чего-чего, а поражений армий, уверенных в собственном превосходстве и даже реально им обладавших, военная история знает более чем достаточно.

Для победы недостаточно иметь совершенную технику, амуницию и вооружение. В руках и под боевым управлением неквалифицированного личного состава всё перечисленное неизбежно превращается в груды чужих трофеев, мусора и металлолома. Если, конечно, «посчастливилось» столкнуться с более-менее серьезным противником. Причем даже разница в десятки лет технического развития оказывается аргументом далеко не во всех случаях. Играет она только в руках и головах людей, которые способны реализовать имеющиеся у них преимущества. Последнее блестяще подтверждается украинским конфликтом, где ВСУ на настоящий момент смотрятся сущим близнецом Красной Армии если не советско-финской войны, то Великой Отечественной периода 1941–1942 годов точно. Причем, надо сказать, воюя с противником, весьма широко использующим вооружение как раз данных лет выпуска.

С мотивацией автору пора заканчивать, пришло время перейти к делу.

Командир парашютно-десантного взвода лейтенант Александр Суоров, провалившийся вместе с подчиненными в 1941 год в результате неизвестного науке феномена, не склонен предаваться рефлексиям. Окончив знаменитое училище и уже приобретя опыт в ходе службы в строю, он уверен как в своих силах, так и в своих людях, что до, что после их переноса.

Пусть в его парашютно-десантном взводе с приданным пулеметно-гранатометным отделением и личным составом взвода обеспечения всего лишь 33 человека, однако у него есть автоматы АК-74М с оптическими прицелами и подствольными гранатометами ГП-25, пулеметы ПКП и гранатометы бойцов, три БМД-4М с полным боекомплектом, БТР-Д, несущий крупнокалиберный пулемет «Корд» и автоматический гранатомет АГС-17, а также полный горючего автомобиль-наливник и три набитых боеприпасами КамАЗа-43501 в тылу.

Хотя Александр неглуп, самолюбив и жаждет отличиться, он не только не рвется во встречном бою наголову разгромить танковую группу генерал-полковника Эриха Гёпнера, но даже не готов замахнуться на любой из его танковых батальонов. Все, что ему нужно под гнетом сложившихся обстоятельств, – максимум сутки оборонять брод и железнодорожный мост через реку Чернянка в районе деревни Гадюкино, не допуская переправы там войск противника, и после выполнения данной задачи оторваться от них, очень желательно не оставив в трофеях врага никаких хайтеков из будущего.

На попиране своими ботинками зеленого ковра в кремлевской прихожей в ближайшей перспективе он не рассчитывает, однако планы действий по данному варианту нет-нет, но появляются в его мыслях. Проект речи о перспективности промежуточного патрона и эффективности РПГ-7 периодически возникает как бы сам собой. Где Советский Союз возьмет приличные объемы гексогена на снаряжение противотанковых гранат и пьезоэлектрические взрыватели для них же, он пока не знает, но надеется, что сталинские конструкторы что-нибудь придумают.

На первый взгляд стоящие перед Александром задачи кажутся довольно простыми, однако враг имеет привычку создавать множество проблем, касательно которых читатель с быстрым и острым умом, несомненно, сможет все понять о складывающейся ситуации задолго до первого выстрела.

Жизнь первая

...Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем заключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей...

Сунь-цзы, «Искусство войны», V век до н. э.

Известные события, доказавшие населению самой большой на земном шаре страны, что не одними счетами безликими жив ее президент, умножившие ее территорию и население, а также приведшие к невиданному росту патриотизма в государстве, не оставили служивых в стороне от их последствий.

Некие сопредельные государства с некоторых пор ощутимо заволновались, вполне явно задавшись вопросом, а правильно ли был выбран вектор их внутренней политики после обретения независимости и не слишком смело, с их стороны, столько лет дразнить северного соседа, чувствуя себя у бога за пазухой. Градус переживаний не прошел и мимо их покровителей, которые за свой имидж, как оказалось, переживали не меньше, в результате чего на территории сопредельных государств появилась бронетехника старших братьев по военному договору.

Последнее не могло пройти мимо располагающихся на данном стратегическом направлении соединений Российской армии, результатом чего стало повышение уровня боеготовности и вывод на усиление пограничников дежурных подразделений, а также клацание с потенциальными противниками затворами через границу. Это по мере усложнения политической обстановки потребовало все большего и большего вовлечения войсковых подразделений.

Я бы с удовольствием отказался от сопровождения колонны с продуктами, боеприпасами и горючим до пункта временной дислокации выдвинутой на прикрытие госграницы батальонной тактической группы нашего полка, будь такая возможность. Однако наш командир полка, любящий потренировать личный состав в условиях, приближенных к боевым, не оставил мне другого выбора.

Согласно поставленной им лично боевой задачи, я со своим взводом и приданным ему пулеметно-гранатометным отделением должен был сопроводить колонну до пункта временной дислокации БТГ и после чего убыть на погранзаставу «Широкино» для усиления тамошних пограничников. Растаскивать дежурную БТГ по заставам вышестоящее командование не захотело, в итоге «Батя» получил приказ выдвинуть на усиление застав парашютно-десантную роту из пункта постоянной дислокации.

Определившись со старшим колонны, командиром взвода материального обеспечения первого батальона лейтенантом Петренко о времени выхода, я получил сухой паек, оружие и боеприпасы, провел строевой смотр своего и приданного личного состава, а также убедился в готовности техники к маршу.

Несмотря на все свои волнения, я был уверен, что безупречно сумею выполнить любой приказ моего командования. Картинки горящих по линии государственной границы «Леопардов», «Абрамсов», «Мардеров», «Брэдли» и «Страйкеров», улыбающихся девушек и прикрепляющего мне на грудь Золотую Звезду человека, имя которого нельзя называть вслух, стояли перед глазами, оставалось только не упустить случая – таким образом отличиться.

* * *

Весна вступала в свои права, снег на открытых пространствах уже сошел, сверху изо всех сил грело солнце, не обращая внимания на собиравшиеся на западе тучи. Погода, несмотря на

неприятный метеопрогноз, пока была идеальной, и если бы не сложная международная обстановка, можно было даже планировать выезд на пикник в ближайшие выходные, но, к сожалению, вместо пикника на эти выходные в моих планах была охрана государственной границы.

Попасть под ожидаемый дождь в ходе марша ни мне, ни тем более механикам-водителям не хотелось, и в результате наша колонна неслась со скоростью шестьдесят километров в час, распугивая встречавшиеся машины, пока я сидел на башне и наслаждался поездкой.

Достаточно быстро добравшись до нужного поворота, колонна оставила шоссе и, разбрасывая грязь проселка гусеницами и колесами, устремилась вперед, спеша доставить грузовики к пункту назначения. Помимо нежелания попасть под дождь я хотел добраться до назначенной мне заставы до темноты.

Впереди мелькнул бетонный мостик над небольшой речушкой, до расположения нашей тактической группы оставалось не более пяти километров, когда со стороны уже закрывших половину неба туч грянул гром, заставивший вздрогнуть и меня, и сидевшего в соседнем люке наводчика-оператора моей машины сержанта Никишина.

Сержант глянул на меня сквозь стекло своих шикарных американских стрелковых очков и хмыкнул:

– Как бы нам под первую в этом году грозу не попасть, товарищ лейтенант!

Ответить сержанту я не успел. Сверху грохнуло еще раз, мелькнула вспышка, и моя машина полетела куда-то в тартарары, ломая непонятно откуда взявшийся вокруг подлесок и довольно удачно попытавшись познакомиться нас с Никишиным со сложностями профессии участников родео, пока не остановилась, уткнувшись мордой в здоровенное дерево. Случившаяся остановка оказалась безусловно удачной – сруби БМД эту березу, дерево имело все шансы обрушиться прямо на наши головы. Шум двигателей за спиной заглушался грохотом матерщины.

Первую вполне логичную идею вылезти из люка и настучать по голове не справившемуся с управлением механику-водителю, впрочем, пришлось оставить практически сразу же, как она возникла. Причиной послужил тот же Никишин, с неописуемым изумлением на исцарапанной физиономии поднявший с брони оборванную березовую ветку с восхитительными светло-зелеными листьями на ней, точно такими же, какие осыпали броню БМД вокруг меня и украшали ветки окружающих машину деревьев.

После того, как я почувствовал, что волосы поднимают шлемофон, пришел черед материться уже мне – вокруг нашей колонны, несомненно, стояло лето. Новый взрыв обесценной лексики за спиной подсказывал, что подчиненные увидели то же самое.

В течение следующего получаса ситуация прояснилась. Колонна появилась из ниоткуда в подлеске параллельно идущему вдоль берёзовой рощи проселку и остановилась, выломав по инерции полтора метра биомассы. Повреждения при перебросе у техники отсутствовали, за исключением разбитого веткой у бензовоза лобового стекла, личный состав отделался царапинами и испугом.

Версия о попадалове в прошлое, параллельное измерение или на другую планету оказалась принятой личным составом абсолютно единодушно и в большинстве своем независимо друг от друга – внезапное перемещение из грязной весны в жаркое лето с температурой вокруг за двадцать градусов как-то не оставляло других вариантов. Как, впрочем, и смена времени суток – с вечера на раннее утро, судя по высоте солнца.

Если смотреть по окружающей растительности, занесло нас примерно на те же широты, с которых мы отчалили, следы на дороге о техническом развитии нового мира много информации не приносили, а приемники Глонасс/GPS боевых машин спутников, естественно, не видели.

Десятки прочитанных книг в жанре «наши там» и по «альтернативной истории» проносились в моей голове, пока я вместе с лейтенантом Петренко, командирами отделений и про-

чим авторитетным личным составом оценивал имеющиеся у нас ресурсы и прикидывал план будущих действий.

Медведеобразный заместитель командира взвода – командир первого отделения гвардии старший сержант Бугаев, выслушав молодежь, выступал за крайнюю осторожность в дальнейших действиях:

– Провалились куда-то – это понятно без разговоров, на большее у нас информации-то и нету. Дорогу я смотрел, там ничего ясного. Земля сухая, все утоптанно, никаких следов не видно. Черта поймешь, что по данной дороге ездит, телеги или автотранспорт. Я предлагаю захватиться где-то в лесу, выслать разведчиков, местных каких-нибудь прихватить и допросить, короче выяснить, куда нас занесло, потом будем решать, что нам делать.

В логичности данным доводам отказать было нельзя, сержанты шумно соглашались со старшим товарищем, я тоже согласно кивнул, один командир взвода материального обеспечения лепил из себя статуя скептицизма.

– Всё этого логично, товарищ старший сержант, но ты забыл о маленьких нюансах.

Бугаев поморщился замечанию. Петренко продолжил:

– До этого леса надо сначала доехать. В березняке, куда нас занесло, не отсидимся, он просматривается насквозь, просекой, что мы прорубили, по-любому кто-то заинтересуется, так что по твоему варианту нам нужно сваливать в глухую пущу – чем дальше от больших дорог, тем лучше. А где она находится – мы не знаем. И разделяться я бы не хотел. Так что не надо ломаться, выезжаем на трассу и пилим к ближайшему населенному пункту, выясняем у местных, куда нас занесло и где-что вокруг находится, и только потом решаем, что делать. Прятаться в лесу или сдаваться участковому. Если вокруг нас даже хреновое государство – в лесу мы не отсидимся, понимать должен.

Тыловика тут же поддержал командир третьего парашютно-десантного отделения Владислав Егоров, любитель почитать, с высшим историческим образованием в загашнике:

– Петрович, ты всё правильно сказал, но нас действительно не прямо посреди тайги выбросило. Я думаю, действительно стоит двинуть по дороге и выяснить, куда нас занесло, а потом решим, что делать. Если параллельный мир – это одно дело, прошлое – другое, уровень развития вокруг нас – третье. Если мы в средневековье в стране со слабой верховной властью, вместо леса можно и замок какого-нибудь феодала для отсидки захватить, от... дубасим соседей – люди к нам потянутся, в этом случае можно действовать с позиции силы. В сильном государстве даже в средневековье осторожнее надо, однако наше оружие и знания и тут много стоят. А вот если в недавнее прошлое на пару-тройку сотен лет или уровень, ему соответствующий, занесло, тут только договариваться об условиях сдачи на милость государства надо. Или из него сваливать. На вояк, которых на нас в России уже при Иване Грозном могли натравить, у нас патронов тупо не хватит.

– Пожалуй, соглашусь, сержант. – Я как командир, власть которого пока не оспаривалась, попытался оставить за собой последнее слово. – Так и поступим. Выезжаем на дорогу, находим ближайший населённый пункт и выясняем, куда мы попали. Дальнейшие действия планируем по ситуации. Тем не менее, в связи с особыми обстоятельствами объявляю уровень боевой готовности подразделения – максимальный. Мало ли, очаровательную блондинку в бронелифчике от голодного дракона спасти понадобится, рыцарь какой на нас с копьем набросится или лазером с орбиты лупанут. Без команды огня не открывать, однако при нападении или по поступлению приказа, чтобы никаких колебаний не было. Своих вокруг нас нет. Все свои в наших машинах сидят! Поэтому, взвод, слушай боевой приказ! В течение следующего часа командирам отделений и тебе, товарищ гвардии лейтенант, составить список всего наличного имущества – правного и неисправного. Петрович, бери за задницу нашего хакера, пусть составит полный список личного состава с их позывными, и двух человек выставишь в охранение со стороны роши. Егоров, Севастьянов, с вас по парному посту вверх и вниз на дороге. При появ-

лении аборигенов – задержать и привести ко мне. Неспровоцированного насилия не допускать, вести себя как подобает российским десантникам. В случае нападения вести себя по ситуации, желательно без крови, но это как получится. Оружие зарядить, поставить на предохранитель, быть готовым к его применению. Экипажам и свободному личному составу отделений осмотреть и заправить машины, подготовить их к дальнейшему маршу. Пожалуй, всё. Новые вводные после получения свежих данных. Вопросы, замечания есть?

– Имеются, – включился один из водителей ВМО, выглядевший лет на сорок сухой, жилистый старшина в донельзя выцветшей от многочисленных стирок старой «флоре». – По этой местности раньше тут ездил кто? Я не раз ездил и расскажу, что местность вокруг нас одной и той же будет. Только растительности сейчас вокруг поболее narosло. Те холмы на горизонте одни и те же, чуть дальше проедем – речушка должна быть.

– Сергеич, это точно? Не ошибаешься? – Петренко заинтересовало мнение подчинённого. Впрочем, на его слова все тоже сделали стойку. Оставшиеся водители ВМО уверенности старшины не разделяли, однако возражений всё же не последовало.

– На память не жалеюсь. Да проедем чуть дальше, на речушке оно всем ясно станет, ошибся или нет. Уж её-то все были должны запомнить.

– Понятно. – Я тоже был в раздумьях. – Но это ничего не меняет, прошлое, будущее или параллельный мир, действия у нас будут одинаковы. Выясним, куда попали – прикинем дальнейшие варианты. Пока же выполняем назначенные действия. Вперёд!

Личный состав образовавшейся тактической группы приступил к выполнению приказа. Я кивнул Петренко отойти в сторону, в последовавшей ранее суе у нас не нашлось времени переброситься парой слов тет-а-тет.

– Иван, надеюсь, помогать, а не мешать друг другу будем? Стоит начать между собою грызться, бойцы сразу на первый план полезут. Сейчас за нами одна привычка, государства за спиной теперь нет. Тут и кровью запросто может кончиться, если в бардак какой-нибудь попали, и людей не удержим.

– Не дрейфь, Саня. Я на главенство не претендую, мы из разных батальонов, твои бойцы меня даже не знают. А коли с ними начнутся проблемы, обращайся, помогу, чем смогу. Водилы у меня адекватные, друг друга хорошо понимаем, они тоже помогут, коли кому-нибудь из твоих сопляков мозги вправить понадобится, не сомневайся. Командуй, лейтенант. Но право высказать тебе свое мнение я за собой сохраняю, и обещаю тебе его внимательно выслушать. Мысли сержантов и бойцов поадекватнее тоже на ус мотай. Судьба у нас общая, ситуация сложная, одной твоей головы на всех не хватит, понимаешь?

– Значит, договорились.

Мы с Иваном пожали друг другу руки и разошлись по своим делам.

На данный момент в моем распоряжении находились:

– три недавно полученные БМД-4М¹ моего взвода, вооруженные 100- и 30-миллиметровыми пушками и пулеметом ПКТ, с полным штатным боекомплектom, включая противотанковые управляемые ракеты в каждой;

– старенький, но находившийся в неплохом техническом состоянии БТР-Д гранатометчиков;

– двадцать семь бойцов, шесть из них из состава приданного мне пулеметно-гранатометного отделения;

– четыре водителя и командир взвода материального обеспечения, которые как бойцы мной не рассматривались;

¹ Экипаж: 2 + 6 человек десанта. Длина – 6100 мм. Ширина – 3110 мм. Высота – 2450 мм. Масса – 13 500 кг. Бронирование: противопульное. Двигатель: многотопливный дизельный, УТД-29. Удельная мощность – 37 л. с./т. Мощность двигателя – 500 л. с. (367 кВт). Подвеска: независимая, торсионная с телескопическими гидроамортизаторами. Запас хода – до 500. Скорость, км/ч: по дороге – 70; вплавь – 10.

- три загруженных сухим пайком и боеприпасами бортовых КамАЗа-43501 и доверху залитая дизельным топливом автоцистерна, обеспечивавшие в обозримом будущем практически все наши основные нужды;
- автоматический гранатомет АГС-17 с боекомплектом;
- крупнокалиберный пулемет «Корд» с пехотным станком, также с боеприпасами в лентах и цинках;
- два гранатомета РПГ-7Д; первый в укладке бронетранспортера ПГО² с нишами машины, заполненными сумками с девятью кумулятивными и двенадцатью осколочными и термобарическими гранатами к нему, второй (мой взводный) в укладке БМД № 442 Бугаева;
- двенадцать реактивных противотанковых гранат РПГ-26 в парашютно-десантных отделениях;
- три пулемета ПКП с тремя снаряженными лентами «сотками» к каждому и тремя ящиками с боеприпасами к ним в машинах: двумя с ЛПС³ и одним с бронебойно-трассирующими;
- двадцать девять автоматов АК-74М, десять из которых с оптическими прицелами 9П29 «Тюльпан». Личный состав ПДО и гранатометчики в своих разгрузочных жилетах 6Ш112 имели по восемь полных магазинов к ним. Дополнительно к этому, так же как к пулеметам, в боевых машинах хранились три ящика с патронами 7Н10, по одному ящику на каждую;
- три подствольных гранатомета ГП-25, по десять выстрелов к каждому;
- тридцать восемь современных осколочных оборонительных гранат РГО и столько же наступательных РГН у бойцов;
- средства связи в виде девяти радиостанций Р-187П1 «Азарт»;
- и наконец, мой ПЯ с двумя обоймами, дабы я мог с максимальными удобствами расстрелять струсившего при виде «Абрамса» бойца либо с таким же комфортом застрелиться.

КамАЗы Ивана, набитые боеприпасами и горючим дополнительно к наличному в боевых машинах, были в нашей ситуации неоценимым ресурсом, который следовало в максимальной степени беречь, куда бы нас ни занесло, однако сам он и его подчиненные моих бойцов усилить сильно не могли. Несмотря на то, что все водители были вооружены автоматами и хранили в кабинах бронежилеты и каски, к автоматам у них имелось всего лишь по два магазина на ствол, сам лейтенант был вооружен пистолетом и о СИБ⁴, естественно, не позаботился. Слегка сглаживали ситуацию разве что две новенькие переносные радиостанции Р-187П1 «Азарт», точно такие же, как у меня, моих командиров отделений и командиров пулеметного и гранатометного расчетов.

Полной номенклатуры боеприпасов в грузовиках, к сожалению, не было. Отсутствовали выстрелы к РПГ, ВОГи к подствольникам и ручные гранаты, которые первый батальон, не прекращавший процесса боевой подготовки, даже выдвинувшись к границе, видимо, не расходовал или имел достаточный тому запас заранее.

Изменять своё решение за время приведения подразделений в порядок оснований не нашлось, в результате чего, выбравшись на дорогу, колонна двинулась вперед, навстречу своей судьбе.

* * *

Подозрения о формате переноса, как и говорил старшина, оформились уже через несколько минут, при виде деревянного мостика через маленькую речушку, когда кто-то сзади загудел и по рации на связь вышел Петренко:

² ПГО – пулеметно-гранатометное отделение.

³ Лёгкая пуля, стальной сердечник.

⁴ Средства индивидуальной бронезащиты.

– Верба Десять – Топору Десять. Слова старшины Чибисова подтверждаю, местность та же, изменения незначительны.

Так как подозрения оформились в уверенность, я сверился с картой и воспользовался правом выбора маршрута. В результате, когда спереди слева мелькнул хорошо знакомый холм с не менее хорошо знакомой церковью на нем, буквально с ходу оказался выявлен примерный период провала – судя по отсутствию крестов и общему затрапезному виду храма, нашей несчастной группе посчастливилось навестить период правления Иосифа Виссарионовича. При Хрущёве и Брежнев, по моему предположению, движение на дорогах все же было более оживлённым, а сама церковь, серьезно пострадав от артиллерийского огня в войну, куполов до развала колхозов и передачи храма епархии с последующей реставрацией вовсе не имела. Любимая женщина ни разу не упускала случая вытащить меня к себе на малую родину, в село Коровино, и похвастаться как восстановленным там храмом, так и прочими достопримечательностями. Открытым оставался только вопрос провала в «параллельный мир», а не прошлое.

К географии и периоду я привязался, осталось только уточнить дату, что и произошло достаточно быстро. Колонна свернула на Коровино, и когда впереди появился целехонький помещичий дом с огороженным садом, уроки краеведения любимой сами по себе всплыли в памяти.

Данную усадьбу, превращенную немцами в опорный пункт, стерли с лица земли в 1944 году в ходе боев на линии «Пантера», однако от этого она не перестала быть проклятым местом. В июле 1941 года немцы захватили в ней полевой госпиталь, раненые которого позже почти целиком вымерли от голода и ран в организованном тут же лагере военнопленных. После войны останки погибших в плену бойцов были торжественно перезахоронены, и над братской могилой взяла шефство восстановленная на остатках старого фундамента Коровинская средняя школа, в музей которой меня тоже водили – потенциальная тёща была в данной школе завучем. Далее нужно было только поймать парочку аборигенов на улицах, чтобы выяснить, в мирное или военное время мы попали, и строить планы исходя из открывшихся обстоятельств. По закону бутерброда, на «колхозные тридцатые» я, впрочем, сильно не надеялся.

* * *

Так и оказалось. Аборигенов, достаточно активно пытавшихся исчезнуть с пути невиданных боевых машин, отловить сразу не удалось. Первого мы поймали только возле колхозной управы – огромного дома из почерневших брёвен под цинковой крышей. Продвинутость вестника цивилизации внушала – никакой грязи, к крыльцу вели деревянные мостки меж двумя зелёными газонами с посаженными там ёлочками.

Над крыльцом правления развевался красный флаг, так что хотя бы в одной вещи нам повезло – на оккупированные территории мы не угодили. Если повезёт еще больше, то и война пока не началась, что сразу же снимет множество возможных проблем.

Первым рассмотренным достаточно близко аборигеном оказался парнишка лет пятнадцати в стареньких коричневых штиблетах, заметно поношенных брюках и пиджаке, с выглядывшей чуть получше косовороткой под ним, а также рыжими вихрами, лезущими из-под суконной кепки-восьмиклинка.

– Здорово, малой! Сюда иди.

Заинтригованный парнишка подчинился.

– В Коровино мы сейчас попали, не подскажешь?

– Да, товарищ... А вы кто такой будете?

– А кто я такой, тебе знать не обязательно. И председателю твоему, который, похоже, сейчас в окно выглядывает, тоже не по чину. Сбегай к нему и скажи, что лейтенант Суоров

свежую газету просит. Или несколько... Если «Красная Звезда» случайно окажется вообще хорошо будет. Скажи, что очень его прошу! Без печатного слова изголодались.

Догадка добыть начальный объем информации из прессы пришла экспромтом, ранее вопрос этот не обсуждался, но был сочтен мною гениальным решением, спасающим от множества проблем в случае, если в процессе общения кто-то сморозит аборигенам очевидную глупость. Времена не те, чтобы это серьезные проблемы не спровоцировало. «Бегут буржуины – кабздец Мальчишу; ползут буржуины – хана Мальчишу» или что-то типа того.

Данный временный период прямо живая тема для создания демотиватора по тому эпическому полотну жанра соцреализма, с засадой за углом двух мордатых мужиков на героического комсомольца в буденновке с книжкой классика социализма под мышкой. Остаётся добавить только надпись, разъясняющую суть картины «Односельчане лайкают местного блоггера».

Юноши с активной жизненной позицией, а местные комсомольцы именно такие, в этой связи через одного должны быть теми еще параноиками. Для нас вариант далеко не лучший, коли у подобного идеального комсомольца Коли с огнём в заднице хватит ума мобилизовать ячейку и попытаться вилами перебравшиеся через границу буржуинские «танки» заколоть, под прикрытием дробовика с утиной дробью. Не расстреливать же болванов, последнее может настроить власть на изрядно неконструктивный лад. Общение с Вождем гораздо лучше вести в свете кремлёвских кабинетов, а не в сумраке московской тюряги в компании пары-тройки зверообразных специалистов по мотивации.

Пачку газет притащил, видимо, мужик, разглядывавший нас в окно, тип лет пятидесяти на вид, в скромной синей рубашке с тонким кавказским пояском, с красным носом любителя накапать двести граммов для настроения и вислыми тронутыми сединой усами. Я оказался прав – он был в здешнем колхозе председателем. Вместе с ним из управы выскочил, щурясь из-под модных в эти времена круглых очков-велосипедов, непонятно почему радостный деревенский интеллигент с козлиной бородкой, в соломенной шляпе и черных нарукавниках, надежных поверх рукавов тоже заметно поношенного коричневого пиджака, а также смачная дива в теле, как будто сбежавшая с портрета доярки из фильма «Особенности национальной охоты» – длинное скромное платье из холстины с вышивкой, распираемое внушительной грудью, цветастый платок, наскоро наброшенный на голову, и пухлые щёчки, полные здорового румянца. Чуть позже непонятно откуда вокруг возникли и прочие хроноаборигены разного возраста, до этого, видимо, наблюдавшие за нами со стороны.

Стороны – а мой личный состав не выдержал и без команды полез из-под брони – внимательно рассматривали друг друга.

Реакция людей, в общем, не отличалась от нам современной. Девки и молодухи строили залётным мальчикам глазки, молодые парни ревниво косились на них и на нас, а подростки горящими глазами рассматривали наше оружие и боевые машины. Мужики постарше по спектру интересов больше относились к подросткам, разве что разделяя внимание ещё и по выправке да внешним видом. Особенно, когда я спрыгнул вниз, чтобы принять прессу и пожать руку тоже изнывающему от любопытства её хозяину. Интерес местных жителей стал ощущаться буквально физически.

– Здорово будем, товарищ лейтенант! Снетков, значит, Иван Агафонович, председатель буду «Красного пути».

– Лейтенант Суровов Александр Васильевич, команду данным подразделением.

– Держи свои газеты. С чем пожаловали, товарищ лейтенант? – От любопытства председатель, передавая мне пачку из десятка разномастных газет, не удержался.

– Собственно именно за газетами и заехали, узнать, что в мире творится. Пока задачу выполняли по лесам, одурели без печатного слова.

– Ух, молодцы какие, – между тем радостно заблажил деревенский интеллигент, горящими глазами рассматривая мои машины и бойцов на них, – уж вы-то, поди, покажете фашистам!

В известном месте всё сжалось как у рубящего прут на 36 миллиметров станка-гильотины. У меня во всяком случае. Надежды на лучшее не осталось, слова практически однозначно определяли период, в котором мы находились, – лето 1941 года, время перед немецкой оккупацией. «Закон бутерброда» – или же чья-то воля (что вероятнее) – действовал во всей красе.

Я огляделся по сторонам, стало жутко. Машину окружала все более и более увеличивающаяся толпа – густо стояли трупы, которые просто не знали об этом. Некоторые из них не доживут даже до следующего лета, многих за три года убьют каратели из немецких и куда более страшных, даже на их фоне, прибалтийских полицейских батальонов. Оставшихся ещё больше проредят голод и болезни оккупации, а потом по селу и прокатится фронт. В завершение среди доживших до освобождения пройдёт ещё и мобилизация, которая заберет всех пацанов, подростков под призывной возраст, и сумевших добраться до дома окруженцев постарше. Тех самых мальчишек, что сейчас с завистью рассматривают моих людей, оружие и боевые машины, многие из которых с фронтов последних лет войны не вернуться... Как бы, возможно, ни отличалась данная калыка от оставшейся в моём прошлом, осознавать такой контакт с историей было реально страшно.

В этой связи первое, что требовалось сделать – это приступить к изучению газет и составлению планов наших дальнейших действий. Попадать в руки гитлеровских специалистов ни моим людям, ни технике решительно не стоило.

Однако для начала надо было разобраться с председателем и осмелевшими аборигенами, девы из числа которых уже начали попытки знакомиться с мальчишками.

– Как там дела на фронте, лейтенант? Скоро назад погоните фашиста? – Председатель изрядную часть оптимизма своего подчиненного, видимо, не разделял.

Врать ему не хотелось:

– Дела на фронте? Честно – не знаю. Отдельная задача, свежих данных из любых источников не имею. А те, что имею – секретные. Фашиста мы, конечно, погоним, но с эвакуацией всё же не затягивайте. Задница на фронте, если откровенно. Это всё, что я могу вам сказать.

Председатель нахмурился, счетовод тоже растерял свой выдающийся энтузиазм. Заминка пришлась как раз к месту, чтобы ей воспользоваться и закруглить наш разговор, пока кто-то из сельчан чего не заподозрил.

– Госпиталь в школе уже стоит?

Председатель кивнул:

– Четвертый день пошел, как разместился, раненых уже понавезли страсть...

– Времени у нас мало, мы сейчас туда поедем, связь с руководством будем искать. А газеты, если не возражаете, товарищ Снетков, с собой возьмём. Прочитаем – вернём.

– Да ладно уж, забирайте. Не каждый день, поди, ездите.

– Спасибо. Газеты свежие?

– «Звездочке» четвёртый день пошёл.

Я кивнул и, пожав председателю руку, и запрыгнул наверх. С датой мы теперь точно более-менее определились.

На данном этапе всё обошлось, однако надеяться, что долго обманывать аборигенов у нас получится – явная глупость. На одну оговорку не обратят внимания, на две посмотрят с недоумением, на третьей что-то заподозрят, а на пятой, пожалуй, и повязать попытаются. И ничем хорошим это не закончится.

Переход к Гитлеру я не рассматривал, оставалась сдача родимому рабоче-крестьянскому государству на определённых условиях. Условия мне могло обеспечить только руководство

достаточно высокого уровня, до которого так просто не добраться. Требовалось обдумать варианты наших дальнейших действий, которые, впрочем, все до единого с госпиталя в школе и начинались.

Чтение прессы личным составом, когда я дал десятиминутную остановку у перекрёстка на добычу информации и военный совет, подтвердило мои предположения. Мы плавали летом 1941-го, касательно которого заметных расхождений с нашей родной историей личный состав, включая меня, Петренко и местных контрактников, не обнаружил. Впрочем, если объективно, информационная ценность даже армейской «Красной Звезды» была не высока: «Неся чудовищные потери, гитлеровские орды рвутся вперед» и тому подобный мусор. Тем не менее, мнение, что надо сдаваться Красной Армии и, эвакуировавшись в тыл, менять ход войны, было единодушным.

* * *

Последний, безусловно здравомыслящий, план развеяла жизнь. Подъехав к усадьбе, я увидел белый флаг с красным крестом над входом, две стоявшие перед домом полуторки, суету в окнах и десяток непрезентабельного вида бойцов в пилюльках, неуклюже выставивших стволы винтовок с примкнутыми штыками из-за тополей центральной аллеи в направлении моих боевых машин.

Не лучший вариант для контакта с предками, но не всё было потеряно, стрелять по нам пока никто не торопился. Надо было высылать парламентёра, а кому им быть кроме лейтенанта Суурова? Вот именно, некому. Так что досылаем патрон в патронник у пистолета и автомата, ставим оружие на предохранитель и идём договариваться.

Не то что бы я был готов стрелять, однако, что бы кто ни рассказывал из современных мне сетевых коммунистов, встреченные колхозники жиром вплоть до председателя не лучились и достатком в глаза не бросались, так что и верить в холодную голову, чистые руки и горячее сердце любого встреченного мной сталинского особиста явно не стоило. Особенно если, как мне внезапно пришло в голову, он моё подразделение разоружит до выявления всех обстоятельств и тут внезапно появятся немцы. Как они в реальной истории к этому госпиталю заявили, примерно в определённое по «Красной Звезде» время.

Фердинанд Порше, Шмайссер и их коллеги захвату моих боевых машин и вооружения явно были бы очень рады. Предотвращение этого даже ценой жизни какого-то неменяемого м...ка есть не самый худший вариант, как бы грязно это ни выглядело. Позволить себя захватить или сдать подразделение кому-либо, кроме большого начальника в глубоком тылу, я не имею права – и это для меня однозначное решение. Без всяких других вариантов.

Выпрыгнувшая из люка невиданной боевой машины рослая фигура человека в невиданном камуфлированном обмундировании, бронежилете и предусмотрительно надетой вместо шлемофона каске, держащая в руках автомат с оптическим прицелом, видимо, произвела на бойцов немалое впечатление. Во всяком случае, когда я рыкнул в направлении ближайшего штыка: «Боец! Начальника госпиталя пригласи ко мне, быстро! Скажешь, имеется особо важная информация. Бегом!» – приказ был выполнен, хотя и после краткого шушуканья.

Сам боец побежал в сторону здания, а ко мне вышла другая фигура – шуплый узкоплечий политрук в измазанной травой гимнастерке с красными повседневными петлицами и звездой над угольником на рукаве, в таких же, как у счетовода, очках-велосипедах и с усиками, как у Адольфа Гитлера. В руке этот Терминатор держал наган. Начать задавать вопросы я ему не дал, представившись и с ходу затирая мозг:

– Командир 104-й отдельной специальной танковой роты лейтенант Сууров, вышел с территории Прибалтики из окружения. Больше, извините, сказать не могу. Свежая инфор-

мация с фронта имеется? Когда последний раз раненых привозили? Подготовка госпиталя к эвакуации проводится?

Вопросы поставили политрука в тупик:

– Не понял, товарищ лейтенант? – на лице политрука, вовсе не лишенном налета интеллекта, отражалась лихорадочная работа мысли. Человек не знал, что мне ответить, или точнее – можно ли мне отвечать. Голос, однако, подвел ожидания – ни картавости, ни писка, приятный баритон явно образованного человека.

– Я спросил, свежая информация с фронта имеется? И когда от соединений впереди последнюю партию раненых привозили? И давайте после недели в лесах дату уточним. Сегодня пятое или шестое июля?

– Шестое... – Политрук явно не понимал, как можно потеряться в календаре.

– Замечательно! – Ситуация прояснялась, и я не ошибся. На дворе стояло 6 июля 1941 года, сегодня или завтра прорвавшие оборону наших войск немцы захватят данный госпиталь, команда на его эвакуацию запоздает, и прибывший на соседнюю станцию санитарный поезд тоже будет там захвачен со всем персоналом, который разделит судьбу раненых.

– Товарищ политрук, а давайте еще и часы сверим? Двигались ночами по лесам, трое суток, считай, не спали, а как отоспались – не то что во времени, в датах путаемся.

Собеседник кинул уважительный взгляд на мои машины, решил мне поверить и услужливо выхватил из кармана луковицу серебряных карманных часов с какой-то гравировкой. На часах было без четверти десять. Раскрытия по модели своих наручных я не боялся, обманчиво скромный кварцевый «Traser» Р 6600 смотрелся в данной ситуации в самый раз, можно было даже радоваться за собственную предусмотрительность при выборе в магазине между ними и куда более понтовитыми часами G-Shock.

В завязавшемся разговоре под раскуривание «Казбека» я, чтобы так не сморозить какую-нибудь глупость, прикрылся от расспросов обо мне, моих людях и моей технике завесой секретности. Политрук не настаивал, тем более что на наиболее серьезный из них, который он вслух задать, впрочем, не рискнул – о погонах, торчавших на плечах из-под снаряжения, я предпочел сразу преподнести очевидную версию, рассеивающую возможные подозрения:

– Специальное полевое обмундирование, в роте на экспериментальной носке. Погоны – дополнительный демпфирующий элемент.

Начальник госпиталя, военврач второго ранга Заруцкий, оказался как две капли воды похож на свое изображение на мраморе портрета на братской могиле, добрый доктор Айболит, кем-то обряженный в мешковатую гимнастерку со шпалами на петлицах. И при его появлении меня второй раз за день реально продрало до самой глубины души.

К попадалову, с учетом множества прочитанных книг и просмотренных фильмов, я, в общем, был морально более-менее готов. Осознавать, что многих из окруживших машины сельчан скоро не станет, тоже было приемлемо. Однако спокойно смотреть в глаза человеку, знакомому по изображению на могиле, внезапно оказалось выше моих сил. Тем более такому человеку.

Военврач Владимир Владиславович Заруцкий до конца выполнил свой долг. Даже подхватив воспаление легких в лагере, он продолжал делать раненым операции и оказывать солдатыкам всю возможную в его положении медицинскую помощь, давая им шансы выжить. Самому ему этого не удалось, однако выжившие пациенты и дети с внуками периодически навещали могилу спасителя. Последний приезжал еще в конце восьмидесятых.

Зревший у меня черновой план представиться, предъявить доказательства прибытия из будущего и получить канал связи со штабом армии или фронта окончательно был разрушен его рукопожатием, удивительно доброжелательной улыбкой... и кислой мордой явного особиста, маячившего за его спиной. Простой пехотный лейтенант навстречу бы так просто не заявился и так вальяжно независимо при всей интеллигентности начальника себя не вел бы. То, что на

рукаве подозрительно качественной гимнастёрки с малиновыми пехотными петлицами известный нарукавный знак отсутствовал, почему-то не убеждало⁵.

– Здравствуйте, товарищ! Вы что-то от меня хотели?

При взгляде на кислую osobистскую морду с написанной на лбу самоуверенностью оставалось только мысленно подтвердить, как будут развиваться события, начини я действовать по первоначальному плану. «Фашистские диверсанты» с дурацкой легендой вполне укладываются в воображении у таких людей, а вот «путешественники во времени» – вряд ли. И ладно бы дело ограничивалось только данным товарищем, я прикинул, как бы отреагировал, доложи мне по телефону о прибытии группы военных из 2100-х годов, – и ситуация окончательно окрасилась чёрными красками. Представься я таким образом – первой же реакцией будет разоружение гостей из будущего, просто на всякий случай и для прикрытия задницы. Веры с откровенным разговором без разоружения просто не получится. С вышестоящим командованием по телефону – во всяком случае, точно. А разоружать свое подразделение я никому не дам. Здесь и сейчас во всяком случае.

Живой и невредимый Владимир Владиславович Заруцкий, стоявший передо мной, намекал о реальности и лагеря военнопленных, в котором он погиб, изо всех сил, и разделить с доктором пребывание в этом лагере мне сильно не хотелось. Строки романа «Живые и мёртвые» Симонова, как, впрочем, и кадры фильма, когда разоруженные бойцы бросают камни в немецкие танки, всплыли из памяти и встали перед глазами. Ещё тогда сразу подумалось – толку-то от того, что майор-пограничник разделит судьбу по его вине погибших безоружными бойцов. Погибших это могло разве что утешить.

У меня же все обстояло гораздо суровее, последствия захвата немцами неповрежденных БМД мне даже представить было страшно, и стояла между машинами разоруженного взвода и этим захватом только адекватность стоящего передо мной представителя ОО НКВД⁶ и прочего руководства части. Уверенности в этом у меня, после первого же взгляда на него, стало решительно не хватать, а я еще других никого не видел. А значит, надо срочно менять план и действовать по иному варианту. И я даже знаю, как, тем более что развернуться и уехать после взгляда в глаза Заруцкого и рукопожатия с ним у меня не хватит совести.

– Командир 104-й отдельной специальной танковой роты лейтенант Суоров, вышел с территории Прибалтики из окружения. Все остальное, товарищи, извините, полностью засекречено, вплоть до спецобмундирования. Простите за невежливость, товарищ военврач, но время не ждет! На фронте прорыв, немцы в десяти километрах, госпиталь подлежит немедленной эвакуации.

– Почему мы про это ничего не знаем? – ожидаемо насторожился контрразведчик.

Предварительный план полетел к чертям, приходилось импровизировать на ходу. На данном этапе мне нужно было решить две задачи.

⁵ Лейтенант владеет темой званий и знаков различия сотрудников советской военной контрразведки крайне слабо, черпая знания в основном в сериале «Штрафбат» и тому подобном мусоре. Вообще, «в целях конспирации» с момента выхода в свет в мае 1936 года совместным приказом НКО и НКВД «Положения об особых органах ГУГБ НКВД СССР» сотрудники особых отделов войсковых частей носили форму одежды политсостава Красной Армии, что при реформировании Особого Отдела ГУГБ НКВД СССР в 3-е Управление наркомата обороны Советского Союза в феврале 1941 года не изменилось. Известные по кинематографу шевроны «щит и меч» к ношению сотрудникам данных структур (кроме центрального аппарата) были не положены даже в период нахождения в кадрах ГУГБ НКВД.

⁶ По факту перед Суоровым стоит нарушающий форму одежды (отсутствуют нарукавные знаки различия политсостава Красной Армии) и не представившийся сержант госбезопасности (звание, соответствующее армейскому лейтенанту, либо младшему политруку) сотрудник 3-го Управления наркомата обороны СССР. Армейских контрразведчиков вернут в подчинение НКВД только 17.07.1941 г. Пока же, несмотря на то, что переданные в подчинение НКО сотрудники госбезопасности подлежали переаттестации под армейскую линейку званий, к началу войны этого в целом сделать не успели даже на уровне центрального аппарата, а после начала войны Управление окончательно утонуло в переданных территориальными органами НКВД и НКГБ сотрудниках.

Первое. Выйти на контакт с представителями государства из лиц, имеющих максимум полномочий, и только после этого предъявлять доказательства появления из будущего, в цейтноте немецкого наступления, пока их не потрогают рукам, мне никто не поверит. В такого рода новости никто на слово не поверит, пока доказательства руками не пощупает. Соответственно мне нужен был выход прямо на армейский или фронтовой штаб или, как минимум, на командира дивизии, способного нас туда представить без лишних расспросов, дабы никто не решил, что он рехнулся или совершил предательство, таща под прикрытием безумной утки к штабу армии вражеских диверсантов.

Второе. Под влиянием момента я решил спасти жизни встреченных мне людей. Я не знал, природный ли феномен был виноват в моем переносе, или постарался чей-то разум, но внезапно я не захотел, чтобы коровинские школьники столько лет ухаживали за братской могилой. Тем более что выполнение данных задач вполне можно было совместить. Спасение госпиталя было бы вполне веским доказательством нашей лояльности и гарантировало повышенное внимание к его спасителям.

Оборотной стороной данного решения было вступление в бой. Но я небезосновательно считал себя хорошим профессиональным солдатом, какими являлись и мои подчиненные, и полагал, что каждый человек, принявший присягу, знает, чем это может обернуться. Что же касается противника, то немцы на их чахлах «Панцерах» II, III и IV, не говоря уж о «Чехах» типа того, что я видел в Москве, при всем желании не могли составить конкуренцию такой могучей боевой машине, как БМД-4М. Даже не будь у меня в машинах и КамАЗах Петренко нескольких десятков «Арканов», на немецкие жестянки 100-миллиметровых осколочно-фугасных снарядов хватило бы с лихвой, а тех, что от них уцелели – добились бы тридцатки. В принципе с танковым полком у меня были шансы, с батальоном мне могло бы и не повезти, но любую немецкую танковую роту я мог бы размазать в один присест. Пехоту фашистов с ее маузерами в расчет можно было не принимать вообще, семьдесят лет технического развития – это совсем не шутка!

Но сейчас требовалось решить вопрос с эвакуацией госпиталя, пока не стало слишком поздно, и как было бы идеальным эвакуироваться вместе с ним.

– Потому что у вас собственных разведподразделений нет, возможно, про вас забыли, а еще возможно, что наверху про немецкое продвижение в данном направлении еще не знают, товарищ лейтенант! Леса вокруг, а доты в Себежском УР⁷ бегать, закрывая прорывы, по ним не умеют. – С особистом я держался подчеркнуто сухо и независимо. Этой публике вообще нельзя давать себе на шею садиться, сейчас в особенности. Никогда не любил этот контингент, с тех самых времен, когда дядя Сережа за автоматные патроны мне уши крутил. А потом ещё и отцу накапал, чтобы он меня, как следует, ремнём выдрал. – Судя по тому, что вы ничего не знаете, наиболее вероятно, что штаб армии потерял управление частью соединений и не имеет достаточно достоверных данных о ситуации на нашем участке фронта. Прошу информацию ему об этом довести и требовать эвакуации. Я со своими людьми, ради ваших раненых, ее прикрою.

– Товарищ лейтенант, можно посмотреть на ваши документы? – Хотя особист, возможно, мне и поверил, но я бы удивился, если такой вопрос мне не был бы задан.

– Нельзя, ничего интересного вы там не увидите. – Я стал невежлив и груб. – Дело в том, товарищ лейтенант, что меня тут сейчас нет. Я вам только мерещусь. Ни меня, ни моих машин, ни техники, ни нашего экспериментального обмундирования, вооружения и снаряжения вы, товарищи, на самом деле не видите. Все, что от вас требуется, это донести руководству о немцах в десяти-двадцати километрах и получить добро на эвакуацию госпиталя, а также

⁷ УР – укрепленный район. Себежский УР – часть так называемой «Линии Сталина», построенной по «старой» границе в 1920–1930-х годах.

доложить наверх, что 104-я отдельная специальная танковая рота Суворова вышла с территории Прибалтики из окружения и требует немедленной эвакуации своей совершенно секретной техники, во избежание ее захвата противником. Требуется либо восемь платформ в железнодорожном составе на станции Борисово, либо маршрут и сопровождение до другой точки эвакуации. Горючим располагаю, техника боеготова, боеприпасов для имеющейся техники с избытком.

От такой наглости непонятно кто растерялся больше – особист, не привыкший к такому пренебрежению, или интеллигентный доктор Заруцкий. Меня несло, самопроизводство в командиры роты казалось естественным. Решить наши проблемы могла только хуцпа⁸.

– Рота встанет в заслон у Гадюкинского моста. Делайте, что хотите, товарищ военврач, – напрягшийся особист бросил взгляд на стоявшего в паре шагов политрука, – но чтобы к ночи госпиталь был на станции и максимум к утру был поезд. Автотранспорта, думаю, вам не предоставят. Иначе угробите и себя, и всех своих людей.

Далее требовалось заткнуть контрразведчика, что я и сделал, нагло ткнув ему пальцем в грудь.

– И вас это тоже касается, товарищ лейтенант. Если вы сейчас не начнете эвакуацию людей, к ночи я умываю руки. Умирать на высотах и рисковать сдачей противнику совершенно секретной техники я в таком случае не буду. Заслон просто снимется, максимум с наступлением темноты. Коли к вечеру будете на станции ожидать эшелон – до утра прикроем. Нет – уходим и следуем мимо. Наша техника и вооружение не имеют права попасть в руки немца ни при каких обстоятельствах. Я ради вас головой рискую – к стенке поставят как здрасте. Вы меня поняли?

– Да... – растерялся особист. Начальник госпиталя выглядел не менее удивленным.

Продолжив, я обратился к нему:

– Товарищ военврач второго ранга, хотел бы попросить, как начнете эвакуацию отправьте ко мне офицера связи⁹, держать нас в курсе дела. Опять же решение штаба армии по эвакуации моей матчасти тоже довести надо. Эвакуируйте раненых, не тяните, какая бы у меня техника не была совершенная – я не бог и десяток километров даже толком наблюдать не могу. Вся надежда, что немцы по шаблону сунутся к мосту, а я их там умою. А вы спасайте людей, не дайте им сгинуть напрасно. Я только ради вас тут остался, а не в тыл пилю на всех парах.

Реально расчувствовавшись от тяжести ситуации и главное – минимальных возможностей на нее повлиять, я махнул рукой и закончил разговор, глядя на людей, погибших за пятьдесят лет до моего рождения.

– Мы сделаем ради вас все, что можем, но и вы не подведите нас, товарищи. Очень на вас надеюсь. Если немцы нас обойдут – принимайте бой. До Гадюкино недалеко, интенсивную стрельбу мы услышим обязательно.

После чего развернулся и, картинно не обращая на них внимания, пошел к своей БМД.

* * *

Несмотря на то, что местность за семьдесят лет несколько изменилась, память и имеющиеся у меня карты более-менее позволяли на ней ориентироваться, даже без личного наблюдения. Те же дороги без веской причины не переносят.

Упомянутый мной в разговоре железнодорожный мост стоял на реке Чернянка в четырех километрах западнее Коровино. К моему времени деревня Гадюкино уже давным-давно приказала долго жить, однако место, где она когда-то находилась, было весьма популярным для

⁸ Хуцпа (חוצפה – *идши*) – безудержная наглость.

⁹ Лейтенант сделал ошибку, но ему повезло, термин использовался гораздо шире и раньше, чем многим кажется.

пикников и купания среди местных пейзажей, так что местность вокруг, несмотря на семьдесят лет изменений, я более-менее знал. А кроме знания местности, где я хотел бы принять бой, что мне еще было надо, с возможностями моей-то бронетехники?

Железнодорожный мост, по моим оценкам, был приоритетной целью для наступающих, в его направлении был просто обязан быть выслан передовой отряд для захвата. Собственно, если излишне не усложнять ситуацию, то, как я подозревал, именно этот отряд, продолжив движение после подхода основных сил, госпиталь и захватил.

Если я ошибался, то возвращение к Коровино после начала стрельбы в тылу у моих монстров заняло бы несколько минут, и тогда ни немецким танкистам, ни пехотному разведбату на его лошадях и велосипедах, ни линейной пехоте не поздоровилось бы.

Если я верно предугадал действия противника, то выскочившие на мои стволы аборты на картонных танках с броней в двадцать-тридцать миллиметров¹⁰, с маузерами образца 1898 года и дохлыми пистолет-пулеметами, которые не только бронежилеты, но и каски моих бойцов должны пробивать с трудом, просто обязаны были устроить моим бойцам тир с движущимися мишенями и ничего более. Если с танками немцы еще могли бы теоретически на что-то рассчитывать, то фрицевская пехота у этого моста от нас огребала без вариантов. А потом немецкое руководство было просто обязано потерять огромное количество времени на попытки нашей нейтрализации.

В качестве места расположения для своего опорного пункта я избрал высоту 44,8. Ее местонахождение между железнодорожной линией и мостом – приоритетной целью немецких войск и бродом через Чернянку, на месте которого после войны поставили мост автомобильный, – по моей оценке, было почти идеальным.

Почти – это потому что вокруг моста по обоим берегам были нарыты окопы подразделения охраны, усиленные дзотами¹¹ и проволочным заграждением в два кола, прямо просившие их занять, отчего я с сожалением отказался. Укрепления неплохо обеспечивали охрану и оборону самого железнодорожного моста, но не давали надлежащих возможностей по обороне района, в котором он находился.

Высота господствовала над всей окружающей местностью, сама местность была достаточно открытой, чтобы наши БМД даже могли выбирать, каким образом карать фашистских захватчиков: запускаемым через ствол ПТУРом, 100-миллиметровым осколочно-фугасным снарядом с добавкой 30-миллиметровыми бронебойными либо осколочным, а при хорошем настроении всего лишь ограничиться пулеметом.

Всего, что им там не хватало, так это окопов, ибо окопанная боевая машина стоит в бою трех-четыре неокопанных, а причем выковыривать ее из земли без артиллерии весьма даже сложно. С артиллерией же расход 122-миллиметровых артснарядов на подавление хорошего взводного опорного пункта с поражением тридцати процентов людей и техники, как я припоминал сведения, полученные в училище, составлял примерно сто пятьдесят-двести штук на гектар, немецких 105-миллиметровых – соответственно штук триста¹². И это без учета пристрелки.

При площади ВОП¹³ примерно в три гектара немецкая батарея должна была расстрелять весь свой возимый боекомплект, выбив у меня несколько человек и, если сильно не повезет,

¹⁰ Реально лобовая броня немецких средних танков перед «Барбароссой» составляла 50–60 мм, причем большая цифра у машин старых серий, чье бронирование усиливали выдаваемыми промышленностью комплектами добронирования в ремонтных подразделениях, однако лейтенант воспитан на признаваемых преподавателями источниках и про это не знает.

¹¹ Древо-земляная огневая точка. Сейчас огневое сооружение из местных материалов.

¹² По калибру 120 мм лейтенант ошибается, по 100 мм – угадал. Согласно ПСиУО-96 расход снарядов на подавление открытой живой силы, огневых средств, танков и БМП в районах сосредоточения составляет соответственно 180 и 300 штук на гектар площади цели.

¹³ ВОП – взводный опорный пункт.

одну боевую машину. Я очень сомневался, что немецкие артиллеристы возили при себе более сотни снарядов на ствол, вероятнее даже штук шестьдесят, не более. Батареи, насколько я помнил, у них были четырехорудийные, соответственно при обработке моих позиций даже дивизионом потери обещали быть вполне приемлемыми и взвод сохранял бы боеспособность.

Впрочем, фактор «золотого выстрела» в наших условиях стоило принимать во внимание, да и противнику не стоило бы оставлять из будущего даже мелкой монетки, поэтому зарытые в землю БМД должны были снять фактор везения фашистских артиллеристов практически полностью.

Железнодорожный мост стоял в двухсотпятидесяти метрах от вершины высоты, брод находился чуть далее – позиции лучше найти было просто нельзя; даже без занятия позиции на господствующей высоте, наш (правый) берег был сам по себе выше левого, который вдобавок был еще и пологим. Десятки устилающих луговую траву трупов в мышинных мундирах, как мне виделось, обеспечивались данной позицией без вариантов.

После краткого митинга в кустарнике на заднем склоне высоты, где я для поднятия политморса основательно объяснил личному составу свой замысел легализации у предков и обоснования для принятия именно данного варианта действий, взвод приступил к устройству опорного пункта. К моему полному удовлетворению личный состав поддержал решение дать бой практически единогласно, включая Петренко и старых контрактников, водителей из взвода МТО.

* * *

Согласно моему замыслу, КамАЗы я спрятал в лесу за высотой 44,8. Бронетранспортер гранатометчиков получил позицию в кустарнике, на обратном скате высоты прикрывая опорный пункт с тыла. Кроме того, по необходимости на него возлагалась работа по транспортировке боеприпасов и эвакуации к Петренко раненых.

Внутри опорного пункта боевые позиции отделений я расположил по тактическому гребню высоты, на полтора-два метра ниже вершины, с основным сектором обстрела второго парашютно-десантного отделения в направлении моста и идущей к нему железнодорожной насыпи, третьего ПДО в направлении брода и первого отделения по фронту. С запасными секторами огня в направлении моста и брода одновременно.

А вот идея подчинить себе подразделение войск НКВД, охраняющее мост, умерла едва родившись. Укрепления неплохо оборудованного опорного пункта были брошены. Судя по еще теплым углям в блиндажной буржуйке, красноперые¹⁴ снялись ночью либо ранним утром. Насколько можно было сделать выводы из увиденного, связь и отслеживание обстановки у войск по охране тыла фронта¹⁵ были поставлены несравненно лучше, чем у армейских коллег.

Свой окопчик – КНП¹⁶ взвода – я наметил ближе к вершине, рядом с окопом АГС-17. Расчет «Корда» остался вместе с БТР-Д, в моей ситуации было бы глупо оставить одну из четырех боевых бронированных машин подразделения без вооружения, поэтому крупнокалиберный пулемет оставили на вертлюге бронетранспортера.

Картинка при наблюдении с высоты от «старого» времени отличалась не слишком. Воды Чернянки, кустарник и высокая трава лугов вокруг, линия леса и пшеничное поле по нашему

¹⁴ Прозвище военнослужащих внутренних войск, довольно презрительное и уголовного происхождения.

¹⁵ Подразумеваются «войска НКВД по охране тыла действующей Красной Армии». Охрана тыла фронтов действующей Красной Армии возлагалась на войска НКВД. Несмотря на то, что основу данных войск составили оставшиеся не у дел пограничные части, реально Управлениям по охране тыла фронтов были подчинены все части и соединения войск НКВД вне зависимости от их подчиненности (пограничные, оперативные, конвойные, по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности), находящиеся в их полосах ответственности.

¹⁶ КНП – командно-наблюдательный пункт.

берегу за высокой насыпью железной дороги, дубовая роща ещё в нескольких километрах к югу...

Собственно, основное отличие пейзажей было в проволочных заграждениях, линиях траншей и холмах дзотов опорного пункта у моста, в наличии впереди за рекой поредевшей в будущем до группы деревьев рощицы у железки и линии леса, отделённой от нее просёлочной дорогой. Ну и, пожалуй, рощи Дубовой на юге, которая, как мне показалось, за послевоенные годы изрядно разрослась.

После того как наводчики-операторы, используя тепловизионные каналы прицелов, тщательно осмотрели местность перед нами и никого не обнаружили, я определился с позициями и распределил сектора обстрела, после чего отделения и командир взвода вместе с ними немедленно начали зарываться в землю. Врага мы должны были успеть встретить, полноценно окопавшись.

Согласно положениям последнего «пехотного» Боевого Устава, при оборудовании опорного пункта в условиях непосредственного соприкосновения с противником в первую очередь расчищаются секторы обстрела; во вторую – отрываются одиночные окопы для спешившегося личного состава, которые позже соединяются траншеей; в третью – оборудуются окопы на основных боевых позициях боевых машин.

А вот в нашей обособленной организации все, как обычно, обстояло иначе, и мазутные выкладки вступали в конфликт с «маргеловским» наследием, где десантники на первом этапе должны вырыть окопчики для стрельбы лежа и замаскировать боевую машину; на втором – углубить окопы до 1,1 метра, превратить их парные и начать рыть окоп для БМД; а на третьем – соединить все окопы ходом сообщения, одновременно закончив устройство и капонира¹⁷ (окопа) для боевой машины десанта.

По понятным причинам, в качестве правильного варианта действий был выбран родной десантный вариант. Адекватность «мазутных» методичек в войсках вполне обоснованно подвергалась сомнениям.

Расчистка секторов обстрела много времени не заняла, рытье стрелковых ячеек и маскировка БМД тоже не требовали особых умствований, а вот с приоритетностью рытья укрытия для боевой машины между поставленной задачей и положениями двух боевых уставов возник конфликт, который я решил в пользу наследия Василия Филипповича Маргелова. Мои БМД-4М были основой огневой мощи взвода, отрывать их с экипажами от стрелков очень сильно не хотелось.

Даже при потере всей пехоты взвода огневая мощь подразделения не падала бы и вполнину так сильно, как при потере всего лишь одной из его БМД; вопрос обеспечения максимальной безопасности моих легкобронированных боевых машин поневоле вставал во весь рост. На все про все у меня во взводе имелось двадцать два человека, то есть по семь человек на машину, не считая меня, из которых должны были спешиваться пятеро¹⁸. Хотя неучастие механиков-водителей и наводчиков-операторов машин в инженерных работах никто бы не понял, включая меня самого. Пулеметно-гранатометное отделение добавляло мне ещё шесть пар рабочих рук и заметно увеличивало объем земляных работ, как минимум, на два соединенных ходом сообщения окопа под автоматический гранатомет (основной и запасной). И если я рискну снять с бронетранспортера крупнокалиберный пулемет, то на столько же окопчиков и для его расчета.

¹⁷ Фортификационный термин «капонир», широко используемый для обозначения окопа для боевой техники, по факту является сленговым и применяется неправильно. Капониром (*фр.* caponniere – ниша) называется огневое сооружение для ведения флангового огня по двум противоположным направлениям, как правило, долговременного типа.

¹⁸ Штатный состав парашютно-десантного отделения именно семь человек. Командир первого отделения также исполняет обязанности заместителя командира взвода.

Конечно, тут бы пришлось в самый раз оборудование для самоокапывания, однако оно не было предусмотрено ни конструкцией БМД-4М, ни БТР-Д, как, впрочем, и любой другой «сухопутной» боевой техники за исключением БМП-3, танков и некоторых самоходных орудий. Хотя если разобраться, именно на легкобронированной боевой технике мотострелковых и десантных подразделений оно нужно больше, чем где бы то ни было. Когда, ругаясь нехорошими словами, копаешь окопчик малой пехотной лопаткой, поневоле вспоминаются уставные требования по размерам взводных опорных пунктов, легко оцениваются объемы земляных работ при этом и даже легко делаются на количество личного состава. При этих цифрах, сорок два куба земли, которые требуется вручную перекидать танковому экипажу из трех человек в ходе рытья окопа для своей весьма хорошо бронированной машины, честно сказать, выглядят не очень. Однако о мажорах танкистах начальство побеспокоилось уже лет сорок как, а вот о десантуре – не смогло до сих пор. Тем не менее копать было надо, даже для полумеханизированного рытья окопов опять же нужны люди, вытаскивать разрыхленный гусеницами грунт.

Выход нашелся достаточно просто. Выгнав БМД на склон и замаскировав их масксетями, экипажи получили задачу срезать дерн и начать рыть окоп для машины рядом с ней; по мере высвобождения личного состава после рытья индивидуальных ячеек часть стрелков должны были к ним присоединиться. Занятие своих мест в боевой машине при обнаружении противника, как я оценил, было секундным делом, главное, чтобы не оплошали наблюдатели.

Дежурным огневым средством и наблюдателями подразделения мной были назначены пулеметчики из экипажа БТР-Д. Бронетранспортер для этой цели выгнали на вершину высоты и замаскировали в кустарнике, откуда он грозно ворочал из-под масксети стволом «Корда» с оптическим прицелом. Рядом изредка поблескивал рубиновыми линзами японского бинокля командир пулеметно-гранатометного отделения. Позицию на заднем скате экипаж бронетранспортера мог оборудовать и позднее.

* * *

Грунт оказался не самым худшим, инженерные работы шли вполне бодро, и я уже углубился почти по пояс, когда со стороны лесочка на северо-западе чиркнула трасса, ткнувшаяся в БМД первого отделения. Парой секунд позже пришел звук оружейного выстрела, смазанный безудержной пулеметной трескотней и обрушившимися на позицию потоками трассирующих пуль. Все вжалось в землю.

От ступора меня освободил второй оружейный выстрел, после попадания снаряда которого в подбитой БМД что-то глухо бухнуло и из открытых люков машины повалил быстро густеющий дым.

Тем не менее, воспользовавшись тем, что внимание противника отвлекла подбитая боевая машина и образовалась пауза в пулеметном огне, в соседнюю машину, отбросив полог сети ловко нырнули сержант Никишин и мехвод младший сержант Гибадуллин.

Машина рыкнула двигателем, выпустив клок дыма из-под сети, башня дернулась, включив стабилизатор и нащупывая цель. Словно в ответ из Огурца чиркнул трассер, ушедший чуть выше БМД, и, отрикошетив от земли, с визгом улетел в небо. Никишин повёл стволом и дал короткую очередь из тридцатимиллиметровой пушки по роце. В ответ немец выстрелил еще раз, шёлкнув шариком трассера куда-то в башню.

Из открытых башенных люков как-то резко шибануло дымом, в одном из них тут же появилась фигура Никишина... и тут снизу полыхнуло пламенем, разорвав БМД как консервную банку и подбросив башню взрывом высоко вверх.

Последняя БМД взвода стояла на месте под градом трассирующих пуль немецких пулеметов и как-то неуверенно ворочала облепленной масксетью башней с лежащим на сети телом одного из бойцов.

Открыть огонь её наводчик-оператор, к несчастью, так и не сумел. Метрах в пятидесяти от местонахождения первого орудия в кустарнике у дороги мелькнула вспышка выстрела второго, и немецкий артиллерийский взвод изрешетил БМД как на полигоне, наперегонки всадив в машину с десятком снарядов и всего лишь пару раз промахнувшись.

Экипаж получил команду покинуть машину уже после третьего попадания, что наводчик проделал вполне успешно, причем даже сумев утащить с собой тело товарища.

БТР-Д стоял на вершине и молчал, на броне рядом с пулеметом неподвижно лежали трупы.

Отчаявшись, я выскочил из окопа и побежал к нему, не обращая внимания на непрерывающийся пулеметный огонь.

Забрызганный кровью «Корд» был исправен и даже снят с предохранителя. Злобно выругавшись по мешающей масксети, я развернул пулемет на пушку у дороги, успев удивиться, подводя угольник к торчащему из кустарника щиту, – не с трофейных ли сорокапятков нас постреляли и... тоже не успел выстрелить. Что-то ударило меня в челюсть, руку, живот, ногу, и я завалился на торчащее в люке тело пулеметчика, теряя сознание.

Пришел в себя я от резкой боли уже на земле рядом с бронетранспортером, очнувшись и застонав, когда меня с него сбросили. Вокруг меня и на машине находились немцы.

Ближайший из них, крепкий молодой парень в мышинном мундире с закатанными рукавами и с набитой пучками травы сеткой на каске лениво наступил мне на руку, которой я попытался вытащить пистолет, пригляделся к оказавшемуся живым врагу, что-то спросил в сторону, выслушал ответ, пожал плечами и поднял свой маузер.

Последним моим чувством, уже при взгляде в ствол немецкой винтовки, была глубочайшая обида – все должно было случиться совсем не так!..

Вспышка...

...Грохот грома. Я сижу на башне БМД и смотрю в закрытые очками «Revision Sawfly» глаза ухмыляющегося сержанта Никишина.

– Как бы нам под первую в этом году грозу не попасть, товарищ лейтенант!

Грохот грома, вспышка, и моя БМД летит куда-то в тартарары, ломая непонятно откуда взявшийся вокруг подлесок...

Жизнь вторая

...Правила ведения войны гласят:

– если у тебя сил в десять раз больше, чем у врага, окружи его со всех сторон;

– если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него;

– если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части;

– если силы равны, сумей с ним сразиться;

– если сил меньше, сумей оборониться от него;

– если у тебя все обстоит хуже, чем у противника, сумей уклониться от него.

Поэтому упорствующие с малыми силами делаются добычей сильного неприятеля...

Сунь-цзы, «Искусство войны», V век до н. э.

Пока личный состав, повторяя себя в моей предыдущей жизни, изрыгал перлы обесцененной лексики, я неподвижно сидел в люке и размышлял над ситуацией.

Ситуация не радовала, собственно вывода можно было сделать два: или я решительно свихнулся и меня сейчас в палате с белыми стенами мучают галлюцинации, или все гораздо хуже и мое подразделение находится в самом центре некоего эксперимента, причем не факт, что Господа Бога или нашей цивилизации. Верить в первую версию не хотелось, и в качестве рабочего был выбран вариант научного эксперимента неких инопланетных негодяев. Третьей версией являлась мистика, но за неопознанностью отношений Господа нашего и Врага рода человеческого она отошла в разряд запасных. Ни суровым праведником, ни сильным грешником я себя не ощущал, соответственно веры в превращение в центральную фигуру известного противостояния как-то было немного, не в голливудский же фильм меня занесло, в конце концов.

Желание взять за глотку и медленно, медленно, медленно удавить яйцеголового инопланетянина, ставящего надо мной и моими людьми такие эксперименты, все больше и больше одолевало меня. После выстрела в лицо все возможные изучения граней прошлого виделись мне глубоко в гробу, тем более что ни о каких приятных бонусах участия в данных событиях и речи не шло. Во всяком случае, звероподобный, весь заросший жестким черным волосом чемпион батальона по гилям и мой замкомвзвода старший сержант Бугаев точно не смотрелся адекватной заменой прелестной Эмили Блант¹⁹.

Все время приведения подразделения в порядок и обсуждения происшествия меня одолевало тихое бешенство, которое надо было куда-то выплеснуть, и гитлеровцы были для этого идеальным вариантом, тем более что проблема нашей легализации опять-таки вставала в полный рост. И я уже точно знал, что надо было делать, хотя народу мое знание показывать совсем не стоило во избежание совершенно лишних вопросов. Уж хоть на это у меня мозгов хватило.

Попытка ради эксперимента внести изменения в предыдущий вариант обсуждения нашего положения тоже прошла просто прекрасно:

– А не кажется ли вам, бойцы, что местность вокруг нас какая-то знакомая, только кустов и дерева всякогоросло побольше?

– Так и есть! – радостно включился в обсуждение, как я уже знал, обдумывавший ту же мысль старшина из ВМО. – Я тут не раз ездил, линия холмов вокруг одной и той же будет, чуть дальше речушка с мостиком. Его все вспомнят. Да тут не так местность изменилась, сколько смена времени года с толку сбивает. Там грязь, а тут цветёт всё.

¹⁹ Очаровательная актриса, исполнявшая роль главной героини фильма «Edge of Tomorrow».

– Сергеич, ты не ошибаешься? – Петренко, как и в прошлой жизни, заинтересовало мнение подчинённого.

– На память не жалеюся, я здесь и летом ездил. А вообще, Дмитрич, доедем до речушки – сам во всём убедишься, что сейчас воду в ступе толочь. Тут только дорога чуток в сторону ушла.

Эксперимент прошёл удачно. Как можно сделать выводы, ситуация, в которую я попал, обещала быть весьма пластичной. Одна фраза, которую я в прошлый раз не говорил, и вот оно, совершенно другое по содержанию обсуждение. А это значит, что любое изменение моих действий касательно предыдущего варианта событий равно изменению реакции окружающих, включая противника, на них.

С одной стороны, этот эксперимент показал, что у меня дела обстоят очень хорошо, с другой – крайне плохо. То есть, если я повторю удачную закладку на легализацию на хуцпе в госпитале, это определенно прокатит. Однако, если проявлю какую-то неуверенность, позволю себя в чем-то заподозрить, а потом и начну шляться один вдали от своих «танков», меня могут попытаться повязать, а то и атаковать эти самые «танки». Потом же – разоружение, разборки, немцы, захват госпиталя и техники, спецлагерь и обработка специалистами абвера и гестапо, у которых – можно на иное не надеяться – заговорят даже камни. Это в случае, если понявшие, как ошиблись, особисты перед захватом госпиталя нас прямо в темном чулане не постреляют, чтобы фашистам не передать.

Меня во времена оны разубеждали в подлинности расстрелов НКВД заключенных при невозможности их эвакуировать в этом же 1941-м, но как-то вяло и неубедительно на фоне сканов с советскими и немецкими архивными реквизитами. Стать нечаянной жертвой чужого профессионализма – да ну его на хрен. Я сам кого угодно в таком случае перестреляю, до «самого эффективного менеджера столетия» включительно. Рокоссовский после лагеря чуть ли не до конца жизни нигде не расставался с пистолетом – «если за мной опять придут, без боя не сдамся»²⁰, а кто я такой, чтобы не расти на примерах великих?

Так что как бы не виляла ситуация от моих действий, сдавать оружие можно только в глубоком советском тылу, где немцы нас точно не достанут. А кто считает иначе – нечаянный пособник врага, который должен молиться, что с ним не поступят, как он заслуживает. И тут нельзя думать по-другому, слишком многое на кону стоит.

Теперь по схемам общения с личным составом. Выдавать знания из предыдущей жизни, как я уже сообразил, точно не стоит. У всех оружие, люди решительные, заподозрят, что эксперимент проводится надо мной одним, а не над всеми, так и пристрелят, чтобы посмотреть реакцию. И что мне потом – сидеть на тучке и жаловаться на идиотов, если рекурсивка откажет? Так что сидим и не отвечаем, выдаем осведомленность в будущих событиях, только когда очень припрет.

Ну, а пока посмотрим, как изменится обстановка в Коровино и госпитале, например от разного времени контакта с аборигенами.

А свободное время мне лучше посвятить размышлениям, что в прошлый раз пошло не так и что я неправильно делал, коли бой закончился для моего взвода такой катастрофой.

ОШИБКА. При отсутствии впереди разведки и боевого охранения боевым машинам на переднем скате рядом с окапывающимися бойцами было делать нечего. Несмотря на то, что БМД были прикрыты масксетями, образовавшиеся рядом с копающими людьми пупки на голом склоне высоты, видимо, были неплохо различимы немецкими наблюдателями и наводчиками скрытно подтянутых противотанковых орудий, в результате чего машины оказались уничтожены безнаказанно.

²⁰ Реальный факт. Суворов довольно близко к тексту цитирует дочь маршала.

ОШИБКА. Разведка – это глаза и уши командира. Она должна вестись непрерывно и всеми возможными способами. Если бы впереди работали мои разведчики, небольшая группа противника в принципе могла остаться необнаруженной, однако подход танков, колонны пехоты и тягачей с артиллерийскими орудиями они бы точно не пропустили, в результате чего скрытно подтянуть пушки и расстрелять мои машины на склоне враг бы не смог.

ОШИБКА. Выделение в качестве наблюдательного пункта и дежурного огневого средства машины с самыми слабыми возможностями экипажа по наблюдению и огневому поражению обнаруженных целей не позволило обнаружить наличие противника в зоне ее наблюдения, пока не стало слишком поздно, а после открытия им огня подавить его. Открытое размещение членов экипажа рядом с «Кордом» на броне привело к тому, что бойцы были расстреляны пулеметами в первые же секунды боя и погибли, даже не выстрелив. Выключение из наблюдения за местностью тепловизоров БМД ради нескольких лишних лопат прямо кричало о моем идиотизме.

ОШИБКА. На рытье полноценного окопа для БМД по нормам требуется двадцать пять человеко-часов, и даже использование колхозных хитрушек, которые по замыслам оставшихся в прошлом-будущем специалистов воздушно-десантных войск, с утверждением их руководством, начиная с самого Василия Филипповича Маргелова, должны были заменить ножи само-окапывателей на боевых машинах, доставляло определенные проблемы уложиться хотя бы в двадцать часов. Такого запаса времени у меня не нашлось. Что я собственно и предполагал, однако решил рискнуть. Результатом необоснованного риска стал погибший практически безнаказанно взвод и выстрел мне в лицо.

ОШИБКА. Системная. Поставленные задачи должны соответствовать имеющимся возможностям, подвиги воли и комсомольские чудеса надо оставлять сказкам и анекдотам про Анку-пулеметчицу. Если нарезка задач по инженерным работам, не соответствующим имеющемуся времени, – однозначно моя ошибка, то гибель взвода в результате расстрела не обнаруженными до самого открытия огня противотанковыми орудиями, – совсем не факт, что ошибка выставленных наблюдателей. Наша сорокопятка в музее обрезом щита была мне не намного выше пояса, немка вряд ли была выше, такие размеры весьма благоприятствуют скрытному выдвижению и маскировке на позиции, особенно коли у наблюдателей противника не соответствующие возможностям имеющейся оптики либо просто слишком большие сектора наблюдения. А тепловизорами они не пользуются.

Повторять данные ошибки я не собирался, одолевавшее меня тихое бешенство никуда не делось, и утолить его могла только месть. Тем не менее, искушение посадить личный состав в БМД и, устремившись вперед и действуя с машин, огнем и мечом покарать всех встреченных фашистов все же удалось перебороть. Хотя и с некоторым трудом.

Как выяснилось в предыдущей жизни, для моих БМД противотанковое вооружение семидесятипятилетней давности все же представляло опасность, и имелся риск выскочить на большее количество противника, что пушки моих боевых машин смогли бы вовремя переработать. Впрочем, даже в этом случае в исходе боя на узкой лесной дороге сомневаться, конечно, не приходилось, однако оставлять врагу не то что подбитые, но и даже выгоревшие корпуса своих БМД, не говоря о трупах бойцов, было бы просто преступным поступком. Если я собирался побеждать, побеждать надо было всухую. И первое, что мне нужно было для этого сделать – вести разведку, чтобы не враг, а я видел, кого нужно разнести в брызги пушками боевых машин.

Тем не менее, разведка как таковая вовсе не простое занятие. Самый простой вариант из имеющихся – отправить вперед пару пеших дозоров – однозначно лишал меня четверти личного состава и вызывал серьезные опасения в его эффективности. Нет, обнаружить противника мои разведчики, вероятно, обнаружили бы, а дальше что? Для них рисовались три варианта: уходить назад с серьезными шансами быть расстрелянными в спину примерно на рубеже реки,

прятаться в лесу, выключившись тем самым из боя и заставляя меня думать о вариантах их эвакуации во избежание захвата противником в последующем, замаскироваться и продолжать вести наблюдение, рискуя случайным обнаружением и вариантом номер один, попытавшись уйти на нашу сторону или в лес после демаскировки.

И иначе никак, появление на дороге немецкого отделения в головном дозоре – это не информация, мне нужны данные о силах противника, а не том, что он в данном районе находится. Последнее я и так знаю, как, впрочем, и то, что у него даже противотанковые пушки есть. За имеющимися передо мной масками местности в большинстве слишком маленькие дистанции наблюдения, а перед рекой – обширные открытые пространства, одновременно делающие непростым делом скрытный отход и превосходно просматривающиеся с господствующей в данном районе высоты 44,8, что и вынудило меня в прошлый раз пренебречь разведкой. Повторять данную ошибку я не собирался. Терять драгоценное время – тоже, фашисты, как я знал, были на подходе.

В данном случае все слабые места моей ситуации снимала бы высылка вперед дозора на бронированной машине. БМД/БТР-Д давал дозору безусловное превосходство в маневре не только перед пешим противником, но и кавалерией и, возможно, даже танками, а броня машины и ее вооружение позволяли отбиться в случае внезапной стычки накоротке. Решение оказалось принято, значит, так и поступим. Лучшего варианта пока не просматривается.

* * *

В Коровино встреча с председателем колхоза прошла без больших изменений, хотя пацан в этот раз мне навстречу не попался, и я, поколебавшись, пошел в колхозную контору сам, встретившись с председателем и счетоводом колхоза на крыльце.

Дату я уже знал, обстановку тоже, так что были возможности уделить всё внимание окружающему миру, включая лица моих бойцов, в которых опять стреляли глазками появившиеся непонятно откуда девки и молодухи. И надо сказать, реакция впечатляла, безучастным не остался никто.

Некоторым с более развитым воображением, например Егорову, даже явно было не по себе. Окружавшие сержанта бабенки принимали смурность сержанта за смущение и, как волки при запахе крови, активно вводили его в искушение, перегружая слуховой аппарат милым щебетом, принимая всё более выгодные позы и выпячивая грудь. То, что Егоров был поклонником девушек спортивных и последнее время мучил с миниатюрной блондинкой – тренером по пол-дэнсу, а каноны красоты во время, в которое мы попали, цепляли девушек более монументального типажа, что отражалось в моде даже колхозной провинции, ситуацию осложняло еще больше. Сержант откровенно пугался, дамы, как и положено хищникам, чуяли страх и пытались загнать и зарезать испуганную жертву.

Команда «По машинам!» явно стала для него, и не только для него, настоящим избавлением.

* * *

В госпитале я тоже не стал искать неприятностей и придерживался сценария, успешно сработавшего в предыдущий раз. С учетом появившейся уверенности всё прошло ещё быстрее и чище, особист в этот раз даже документов у меня не спросил.

На радостях от успеха я обнаглел и позволил толкнуть себя бесу на закрепление полученных личным составом в Коровино впечатлений. Простых людей бойцы видели, пусть теперь лежащих в госпитале солдат посмотрят. Военнослужащий должен знать тех, кого защищает, жертвуя жизнью в том числе. Как-то, наверное, так.

Усилий для этого не потребовалось, аборигенам я даже врать не стал:

– У меня к вам одна просьба есть, товарищи. Сами понимаете, с моими силами на непонятно какое количество немцев лезть политморсос у бойцов не улучшает. Разрешите моим сержантам по госпиталю экскурсию провести, чтобы люди видели, ради кого мы в заслон встаём? Ну и карта района тоже не помешает, чтобы я хоть по местности мог ориентироваться.

Заруцкий заулыбался, политрук приосанился и оглядел мои машины и торчащих из люков людей полным превосходства взглядом настоящего властителя дум, одобрение на секунду мелькнуло даже на лице госпитального особиста. Не то что бы я переоценивал данного специалиста, которому наглая перегрузка слухового аппарата отбила мысль спросить документы у непонятных типов в обмундировании с торчащими из-под броников погонами, приехавших на неизвестной технике, но проскочившая человеческая эмоция на этой кислой морде поневоле вызвала к нему немного таких же человеческих симпатий. По комсомольскому набору, поди, пришел, после бериевских чисток ежовских кадров. До настоящего контрразведчика ему пока очень далеко, но человек, вполне возможно, неплохой. Насколько можно этим неплохим человеком быть на данной работе в это суровое время.

– Командиры отделений, ко мне!

То, что замысел оправдался, по лицам сержантов стало видно ещё в фойе, где столпились ходячие раненые, молча встретившие нас полными любопытства взглядами. Обход палат на первом этаже, где нас не побрезговал сопроводить сам начальник госпиталя, только закрепил впечатления. Он же подогнал мне и карту.

* * *

В ходе последующего обсуждения личным составом наших дальнейших действий поддержка моего решения сержантами была абсолютной. Единственную каплю дегтя преподнес Петренко. Впрочем, отозвав меня в сторону и высказав претензии нам обоим как командирам один на один:

– Саша, мы, вообще, о чем думаем? А если бы я сам не догадался и Чибисова не удержал в машине остаться? Представляешь реакцию, если бы мы выпрыгнули такие красивые с погонами на плечах? Ладно, у тебя они брониками и разгрузками частично скрываются, а Сергеич в подменке без знаков различия... знаешь, а я уж было решил, что тоже хочу госпиталь посмотреть. А на погонах у меня – звезды. Понимаешь, что было бы, заметь они перед собой настоящего золотопогонника? Знаешь, как и тебе повезло, что и у тебя на плечах подменка?

Да, вот так вот и прокалываются глупые шпионы. Проинструктировать Петренко я забыл, да и разъяснить собеседникам про погоны тоже, только экспериментального полевого обмундирования коснулся парой слов. Впрочем, погоны, торчащие из-под снаряжения, и политрук, и особист, и даже Заруцкий определённо сразу заметили, ишь, как косились, но, учитывая наличие броников и разгрузок, вполне могли их принять за дополнительный демпфирующий элемент спецобмундирования даже без отдельных пояснений. Благо, по сложившейся традиции, мы отправились в поле в подменных комплектах, наличие нарукавных и нагрудных знаков, а также знаков различия на погонах которых, при нахождении в поле, в полку не требовали. Лично я сейчас был одет в свой добываемый уже последний курсантский комплект полевухи, а замкомвзвода вообще таскал на плечах «американку» в новомодном зелёном А-ТАС, однако, будь на моих погонах знаки различия... ситуацию предсказать было несложно.

Действительно, идиоты. Особенно я. Впрочем, дуракам везет, и мое спокойствие при чужих взглядах на мои погоны вполне могло быть истолковано как уверенность в праве его таким носить. В принципе, почему бы и нет, что именно поэтому особист документов не спросил.

Ну, это ладно, учтём на будущее. Пока всё прошло удачно, и значит, сейчас нам нужно думать о немцах.

* * *

Выйдя к мосту по дороге через Гадюкино, отправить вперед драгоценную БМД я не рискнул. В дозор ушла наименее ценная бронемашина из имеющихся – все тот же многострадальный БТР-Д с пулеметчиками на борту. Помимо всего прочего, вариант, что пулеметчики пропустили выдвижение противотанковых орудий, поскольку мечтали о сексе с любимой женщиной, сопя на сапоге храпящего товарища, отбрасывать не стоило. Я же набрался достаточно опыта, чтобы стать мстительным командиром.

В этот раз оборону моста я решил строить, развернув опорный пункт по гребням обеих имеющихся в данном районе высот. Второе и третье отделения, усиленные расчетом АГС-17, под моим присмотром приступили к рытью окопов на вершине высоты 44,8. Высоту 41,2 оседлало первое отделение во главе с Бугаевым, как самым надежным сержантом из имеющихся. После возвращения дозора пулеметчики должны были поступить в его распоряжение, в качестве дополнительной боевой задачи взяв на себя ПВО²¹ опорного пункта, насколько это для их «Корда» было возможным. Приземлить «лаптежник», знакомый по кинохронике и знаменитой, можно сказать, бессмертной сцене с гнусно гадящим сверху на головы советских людей в морском круизе стрелком-радиостом, было бы очень неплохо²². Все боевые машины, за исключением БМД замкомвзвода, находились на обратных скатах, в готовности выскочить наверх на подготовленные позиции и расстрелять появившегося противника. Третья боевая машина временно встала у окраины Гадюкино, с задачей прикрыть движение дозора по проселку между рощами.

Командир пулеметного отделения гвардии младший сержант Якунин в ходе инструктажа, пользуясь моим послезнанием, получил задание в первую очередь осмотреть рощу Огурец рядом с железной дорогой, определив наличие там противника. Далее выставить НП в удобном для наблюдения месте, не зарываться, из секторов наблюдения БМД согласно соответствующим пунктам действующих боевых уставов стараться не выходить, при появлении противника соблюдать крайнюю осторожность, в бой без большой необходимости не вступать. После выяснения сил противника и имеющихся у него средств, в первую очередь противотанковых, немедленно возвращаться назад. Осмотр местности тепловизорами перед выдвижением ничего не дал, мелькавшие мелкие тепловые пятна явно принадлежали одному местному зверью, ничего похожего на человеческие фигуры обнаружено не было.

В очередной раз не побрезговав помахать лопаткой, роя себе КНП, я проводил взглядом бронетранспортер, который быстро перемахнул Чернянку по броду и на скорости километров шестьдесят лихо понесся вперед, неся на спине фигурки пулеметчиков, и обратил свое внимание на подчиненных. Бойцы без всяких напоминаний уже расчистили себе сектора обстрела на склоне и сноровисто копали индивидуальные ячейки, причем хитрожопые гранатометчики даже двумя большими саперными лопатами, снятыми со своего БТР-Д.

²¹ ПВО – противовоздушная оборона.

²² Без преувеличения, гениальная сцена из фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2. Предстояние». Лейтенант, можно сказать, уверен, что у придумавшего её сценариста «Оскар» отобрали завистники.

* * *

Инженерные работы шли вполне бодро, и я уже начал углублять сформированный окопчик для стрельбы лежа, когда по радиостанции раздался голос Якунина, бронетранспортер которого находился где-то за Огурцом:

– Граб Один – Топору Десять. Фрицы на дороге, тысяча пятьсот от Огурца. Три мотоцикла с колясками, приближаются. Приём.

– Принято, Граб. Еще какое-то движение видишь?

– Нет пока, дорогу кусты и лес скрывают. Подпущу поближе, если на дороге дозор, должны появиться. Приём.

– Осторожно, Граб. Мотоциклистов слишком близко не подпускай, три пулемета не шутка²³. Прием.

– Принято, Топор. На прицеле держу, расстреляем моментально.

– Граб, роща за спиной осмотрена?

– Так точно, Топор. Противника по нашему краю не обнаружено. На всякий случай выставил охранение. Приём.

– Хорошо, Граб. Осторожнее там. На связи.

– Внимание, Топор! Мотоциклисты остановились, восемьсот метров. Какая-то падла в бинокль смотрит. Приём.

Через несколько секунд на фоне голоса уже слышалась автоматно-пулеметно-винтовочная стрельба:

– Сука, Топор! Немцы сзади, веду бой...

– Граб, снимай людей и уходи немедленно! Быстро, быстро!

Якунин мне не ответил. Ветер со стороны рощи доносил интенсивную пулеметную трескотню, несколько пулеметов, включая наш «Корд», вели огонь частыми короткими очередями, перемежаемыми винтовочными выстрелами.

Со стороны Гадюкино в бой включилась БМД-шка первого отделения, начавшая постреливать вдоль проселка короткими очередями из тридцатки и ПКТ:

– Топор Десять – Двенадцатому. Вижу бронетранспортер на дороге, ведет огонь в лес. На опушке Огурца обнаружено движение среди деревьев, противник уничтожен. Больше противника не наблюдаю. Приём.

– Двенадцатый, так держать.

– Топор Десять – Двенадцатому. БТР подбит, пулемет молчит, на броне трупы... Все... съехал с дороги, остановился. Твою ...! Парням конец, машина вся в трассерах...

– Топор Двенадцать! К бронетранспортеру никого не подпускать!

– Принято, Топор Десять!

Со стороны Гадюкино за рощу снова потянулись трассы коротких очередей из пулемета, перемежаемые шариками тридцатимиллиметровых снарядов.

– Бронегруппа, к бою! Забираем меня, выдвигаемся к бронетранспортеру! Топор Двенадцать, прикрываешь огнем с места!

Может быть, выход двух БМД на помощь погибающему или уже погибшему дозору был и не лучшим решением, но поступить иначе мне не дала совесть. И здравый смысл. Оставлять врагу такие трофеи, какие он мог захватить в БТР-Д, было преступлением. Начиная, например

²³ Лейтенант находится под впечатлением советской киноиндустрии и мемуаров советского генералитета, по факту наличие пулеметов в немецких подразделениях стрелков-мотоциклистов (Krafttradschitzen) было вполне обычным – один на отделение (9 человек в отделении). Вообще бешеная насыщенность ручными пулеметами особенность не немецких, а советских мотоциклетных подразделений.

с АК, даже не раций. Немцы и так во Второй мировой оказались пионерами штурмовых винтовок и промежуточного патрона.

Машины шустро преодолели брод и срезали угол, прямо по лугу устремившись к Огурцу, удерживая в прицелах приближающуюся рощу. Их появление для противника произошло достаточно неожиданно, во всяком случае, упомянутый Якуниным мотоциклетный дозор точно не ожидал нас тут встретить, выскочив на своих бензиновых конях прямо под стволы БМД. Спешиться немцы успели, а вот укрыться – уже нет.

Мотоциклистов БМД растерзали, даже не сбросив скорости, разрывая на куски малокалиберными осколочно-трассирующими снарядами вместе со вспыхивающей, взрывающейся со столбами огня и рассыпающейся как детские игрушки техникой среди беспощадно вырубаемого огнем подлеска, а вот промежуток меж рощами совершенно неожиданно встретил нас мертвым покоем. Ни звуков стрельбы, ни вспышки выстрела, ни даже движения, только изрешеченный пулями бронетранспортер с работающим до сих пор двигателем, «Кордом» с расстрелянной лентой и тремя телами на броне. Пулеметчикам опять не подфартило, и в этот раз они погибли первыми.

БМД подъехали к бронетранспортеру. Моя, не прекращая стрельбы короткими очередями по всем подряд тепловым пятнам и просто на удачу на подавление в лес, прикрыла выскочившего механика второй машины корпусом, пока он накидывал буксировочный трос на крюки, и мы уже было почувствовали, что дело сделано, когда в прицелах как-то разом появилось очень много целей и по прицелам с приборами наблюдения машин был открыт плотный и точный винтовочно-пулеметный огонь.

Очередь тридцатки, под щелчки пуль по броне в ключья разорвавшая пулеметный расчет, подбросив пулемет вверх, неожиданно оказалась последним успехом моего наводчика. Левее и глубже в роще, несмотря на уже побитое стекло командирского прицела, обнаружилось дернувшееся от выстрела противотанковое ружье, внешне похожее на мультяшного африканского слонобоя, поставленное наводчиком сошками на поваленном дереве.

Я только и успел скомандовать перенести огонь на него, как у меня появилась страшная резь в глазах и нестерпимо загло носоглотку. Прерываемые кашлем хриплые ругательства, доносившиеся слева, показывали, что наводчик ощущал то же самое. Все, что я смог сделать в дальнейшем, это вслепую, преодолевая тошноту и внезапно накотившую слабость, открыть люк и вылезти наверх.

Наверху, сразу же, как я высунулся из люка, меня встретила пулеметная очередь, ударившая в руку, бок и грудь, сбросив с боевой машины наземь.

Я лежал возле боевой машины с наполнившей рот кровью и сквозь слезы смотрел, как силуэт соседней БМД, таща на буксире бронетранспортер, шел вперед, почти непрерывно ведя огонь на подавление в сторону Огурца...

И самым ярким моим чувством была глубочайшая обида. Все должно было случиться совсем не так...

Вспышка...

...Грохот грома. Я сижу на башне БМД и смотрю в закрытые стрелковыми очками глаза улыбающегося сержанта Никишина.

– Как бы нам под первую в этом году грозу не попасть, товарищ лейтенант!

Грохот грома, вспышка, и моя БМД летит куда-то в тартарары, ломая непонятно откуда взявшийся вокруг подлесок...

Жизнь третья

...Если будешь видеть, что с твоими солдатами напасть на противника можно, но не будешь видеть, что на противника нападать нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину.

Если будешь видеть, что на противника напасть можно, но не будешь видеть, что с твоими солдатами нападать на него нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину.

Если будешь видеть, что на противника напасть можно, будешь видеть, что с твоими солдатами напасть на него можно, но не будешь видеть, что по условиям местности нападать на него нельзя, победа будет обеспечена тебе только наполовину.

Поэтому тот, кто знает войну, двинувшись – не ошибется, поднявшись, не попадет в беду.

Поэтому и сказано: если знаешь его и знаешь себя, победа недалеко; если знаешь при этом еще Небо и знаешь Землю, победа обеспечена полностью...

Сунь-цзы, «Искусство войны», V век до н. э.

Бешенство, которое я ощущал, пока матерящийся личный состав в очередной раз привел себя в порядок, мной не испытывалось никогда в жизни.

Тупые педанты в рогатых касках, в отличие от описанного в большинстве прочитанных мною книг, почему-то решительно не хотели застилать своими трупами псковские поля.

На настоящий момент меня уже дважды прикончили, причем в первый раз на редкость позорным для профессионального военного образом, а я до сих пор так и не узнал даже, какими силами противник мне противостоит.

Нет, из первой жизни я выяснил, что у противника где-то в данном районе есть противотанковые пушки, а из второй – около взвода пехоты и отделение мотоциклистов. Однако данную информацию не только нельзя назвать полной, но и даже достаточной. Ее наличие в указанных объемах выглядело еще как бы не позорнее, чем происшествие с расстрелом противотанковыми орудиями моих БМД.

Если, конечно, эти инопланетяне ярко нетрадиционной сексуальной ориентации в самом плохом смысле этого слова не перезагружали меня в разные исходные данные. Гипотеза, Борис, Лена, Яков, которую я пока даже проверить не мог. Достаточно долго прожить для этого не получалось.

Над ситуацией, в которой мне пришлось действовать, требовалось хорошенько поразмыслить, однако времени на это в настоящий момент не было. Требовалось по мере возможности поучаствовать в уже набивших оскомину диалогах, навести подчиненных на правильные мысли, сбить с неправильных и заставить их принять нужные мне решения и сейчас, и в будущем.

Отказываться от операции по спасению госпиталя я не собирался, знаменитая упертость, унаследованная мной от хохлов²⁴, с минимальными потерями давным-давно проснулась и мар-

²⁴ Хохол, он же чуб, он же оселедец, он же айдар – выделяющаяся прядь волос, вихор. Если кто не знает, в России прозвище «хохол» презрительного значения никогда не имело. Ни вообще, ни среди потомков малороссийского казачества, которые им даже гордились, поскольку оно стало следствием ношения запорожскими казаками оселедцев на выбритой голове. Оскорбительным данное прозвище стало в глазах украинских националистов после широкого их знакомства со стихотворением иконы украинского национализма Т. Г. Шевченко – «Хохлы», написанного в 1851 г., видимо, в минуту душевной слабости и являющегося, по сути, автобиографической эпитафией жизни и деятельности самого поэта. Откровенно сказать, в моральном плане весьма неприятной личности. Довольно забавно не только то, что в России данное стихотворение осталось практически неизвестным, но и то, что изображение предков-казаков на Украине без хохлов считается неканоничным и вызывает у

шировала по мыслям строевым шагом, как роты почетного караула по Красной площади. Однако погибать, по уму говоря, стоило бы реже. Яйцеголовые инопланетяне, без малейшего сомнения, практикующие самые отвратительные сексуальные практики из физически ими возможных и которых после недавних эпизодов так хотелось медленно, медленно удавить, подтвердив те самые жуткие подозрения Свободного Мира о нетерпимости россиян к лицам с подобного рода девиациями, могли потерять интерес к слишком глупой игрушке. И неожиданно оставить её гнить где-то на высоте 44,8, чтобы взяться за какую-нибудь другую, например, на некогда братской нам Украине. Благо там, как я краем уха слышал по радио, президент подписался о помощи подобного рода контингенту, заявляя, что им-то как раз не проблема найти в Украине помощь, защиту, покой и братскую любовь.

* * *

Очередной разговор с пейзажами в Коровино, доктором Заруцким и начальником особого отдела госпиталя и в этот раз проскочил как по маслу, даже легче, чем предыдущие. Отрешенное выражение на физиономии и непритворное равнодушие такого всего загадочного меня, погруженного в свои мысли, передалось сначала политруку с усиками как у Адольфа Гитлера, который даже не рискнул задавать мне какие-либо вопросы, а потом и Заруцкому с особистом. Что интересно, в этот раз особиста проняло даже больше, чем врача. Во всяком случае, он побежал в сторону госпиталя сразу же, как мой взвод тронулся. В этот раз груз обид и размышлений был слишком велик, чтобы проводить по нему экскурсии, под гнетом размышлений об ошибках был велик шанс сморозить непростительную глупость. Да и время следовало экономить.

Пока мы в очередной раз ехали к упомянутой высоте, было самое время посидеть и подумать, как строить свои решения на бой далее, чтобы не случалось больше таких позорных неудач, припомнить выводы из ошибок, сделанные ранее, и извлечь новые, по вновь открывшимся обстоятельствам.

Итак, из очередной перезагрузки я мог извлечь дополнительные выводы к предыдущим.

ОШИБКА. То, что вы, выйдя на назначенный рубеж, не видите противника, вовсе не является гарантией того, что противник вас не видит, какие бы совершенные приборы для наблюдения за местностью вы не использовали.

ОШИБКА. Выдвижение дозоров и разведывательных групп должно производиться скрытно, иначе выполнение ими своих задач будет сорвано. Это они должны всех видеть, а не все – их. При невозможности скрытного выдвижения должны быть приняты меры по маскировке цели маршрута и обеспечению максимально быстрого срыва наблюдения за выдвигающейся группой. Открытые участки местности, как правильно подсказывают соответствующие наставления, боевые машины дозорных подразделений должны преодолевать на максимальной скорости.

ОШИБКА. Брони у боевых машин десантных на самом деле нет. Не то что совсем нет, легкое стрелковое оружие броня БМД держит, однако практически любые имеющиеся у противника противотанковые средства делают эту броню фикцией, по крайней мере на коротких дистанциях. Определенные надежды на бронезащиту можно питать разве что при обстреле с фронта.

ОШИБКА. Вооружение БМД и ее система управления огнем весьма эффективны, однако реализация возможностей машины требует наличия и удерживания с противником дистанции,

а также времени для максимальной реализации огневого превосходства, из-за упомянутого отсутствия брони в первую очередь.

Так что же я сделал неправильно?

Высылка вперед разведывательного дозора была, безусловно, правильным решением. Но верно ли было отправлять его верхом на бронетранспортере?

Да, альтернативой принятому решению была высылка пешеходных дозоров. Однако, как я уже рассуждал и не изменил своего мнения, данный вариант обещал высокую вероятность расстрела отходящих после обнаружения противника бойцов, чья скорость движения была бы равна пешеходу противнику и, видимо, уступала бы кавалеристам примерно вдвое, а мотоциклистам, с которыми мы столкнулись, – как минимум втрое, а то и даже вчетверо. Ну и главное – не давал никаких плюсов по обнаружению подходящих сил противника касательно наблюдения с высот у брода.

Наблюдатели на высотах при минимально грамотной расстановке просматривали все идущие к мосту и броду дороги, даже не сходя с места, и, кроме того, высокая скрытность пешеходных дозоров компенсировалась бы низкой скоростью движения бойцов и соответственно их низкими возможностями по осмотру местности, обнаружению противника, ведению боя с ним и, как уже говорилось, тем более отрыву от него.

Экзотические варианты типа передвижения группы пешком под прикрытием пулемета БТР-Д, отставшего на двести-триста метров, можно было отбрасывать, раз сорок перекрестившись, оттого что в голову идет подобная наркомания. В данном варианте бронетранспортер демаскировал бы группу как при движении на технике, а ее скорость движения задавалась бы спешными бойцами²⁵.

Итак, тема пешеходных дозоров закрыта. Я поступил правильно. Единственное их преимущество – возможность обнаружить противника, укрывшегося в лесу, в зоне, недоступной для наблюдения, и значительно более высокая своя скрытность, естественно, при определенных обстоятельствах. Однако спешить бойцов с бронетранспортера мне тоже ничего не мешало, что собственно Якунин и проделал, немцев, к сожалению, не обнаружив.

А может, и к счастью, что не обнаружил. Парный патруль, бредущий по лесу, при толике удачи способен положить и один стрелок с винтовкой в руках, а в роще у немцев помимо нескольких десятков стрелков и пулеметы были. В результате при осторожности Якунина бойцы хоть шанс на выживание получили. Выскочив же на стволы немецкого взвода, который, вполне вероятно, если не наблюдал, то слышал выдвижение бронетранспортера, – их бы неминуемо скосили, а Якунин сидел на пулемете, смотрел бы в лес и гадал, кто это там стреляет, пока не пришел бы черед его самого с механиком-водителем.

Что в итоге вернуло бы меня к информации – впереди немцы и у них пулеметы с противотанковыми средствами есть. Какая, Гитлера так-растак, свежая новость!

Если серьезно, то, кроме упомянутых, напрашивался еще один вывод – даже при ваших правильных действиях в определенных условиях успех вам вовсе не гарантируется. Ибо противник имеет свои планы и активно вам противодействует, особенно если контролирует ситуацию. Наблюдая выдвижение дозора и приняв решение по его уничтожению, он ее полностью контролировал, и помешать этому ни я, ни Якунин не смогли. Даже если бы спешные пулеметчики фрицев обнаружили бы, контроля немецкий командир не утратил бы. Все, что мы с Якуниным могли, – это свести потери к минимуму, отведя бронетранспортер.

²⁵ Реальное мнение о правильном ведении пешей разведки от офицера, проходящего службу в Рязанском воздушно-десантном командном училище. Сказать, насколько автор произведения был шокирован подобным перетаскиванием опыта локальных партизанских войн с абсолютным превосходством над противником в войну большую, в которой вооруженным силам противостоит подобная же система, – это ничего не сказать. В терминологии наших «вероятных друзей» данная схема относится к так называемому патрулированию, а не разведывательным действиям как таковым.

Это даже не считая того, что бойцов могли и ранеными в плен взять. То есть я сам бы преподнес «языков» наступающим на блюдечке с голубой каемочкой, с эмблемой воздушно-десантных войск.

В сухом остатке. Действия мои были, в общем, правильны и направлены на взятие тактической ситуации под контроль, но, к сожалению, замысел был сорван находждением противника в Огурце. опередить его не удалось.

Сам Якунин действовал вполне грамотно, полностью искупив свою вину, если даже она тогда на высоте и присутствовала. Судя по его сообщениям, он вел себя осторожно, не выпустил спешившихся подчиненных из-под прикрытия пулемета в глубину рощи, что спасло им жизнь либо свободу, однако не позволило обнаружить там наличие противника.

То, что бойцы не обнаружили следы немцев, это другой вопрос и даже не факт, что обоснованный. Средний российский десантник – это все же суровый горожанин, а не Чингачгук Шоколадный Глаз, лучший следопыт Мценского уезда, с ходу обнаруживающий наличие гостей в его лесу по примятой траве и сломанной ветке.

Осознавая вышеуказанное и не успокоившись, сержант выставил бойцов в охранение позади бронетранспортера, что позволило чуть позже все же гитлеровцев обнаружить при их выдвижении к БТР-Д. Далее он сумел без потерь забрать бойцов, и, если бы у него имелось чуть поболее везения, я так думаю, еще бы и прорвался. Единственная заметная его ошибка, пошел на прорыв он не тем маршрутом, видимо, попытавшись остаться в секторе обстрела бугаевской БМД. Тем не менее, даже в этом случае шансы у него были.

Хотя их было бы еще больше, если бы у десантных бронетранспортеров присутствовала броня, судя по количеству дыр в борту бронетранспортера, его просто винтовочно-пулеметным огнем, а не бронебойками изрешетили.

Тогда где же я ошибся далее, что привело к столь печальному результату? Безусловно, можно было скомандовать расстрелять бронетранспортер, чтобы не допустить захвата трофеев противником, однако данный приказ приносил риск неповиновения подчиненными, которые собственно подчиненными моими оставались по привычке и ровно настолько, насколько им хочется – если говорить прямо, до нашей легитимизации я не более чем главарь банды, а не представитель государства, и стоит за мной только мой личный авторитет, а не Уголовный Кодекс Российской Федерации и силовые структуры державы. Собственно подобный приказ и в нормальных условиях лучше не отдавать, ибо каждый из твоих подчиненных может представить, как ты его жаришь заживо в подбитой боевой машине, вместо того чтобы выручить, что чревато трудно предсказуемыми последствиями даже в атмосфере железной дисциплины и порядка. Я предпочел своих подчиненных – живых либо погибших – все-таки попытаться выгнать.

Чем я располагал, приняв решение идти на выручку? Информацией о наличии противника в роще, группы мотоциклистов на дороге, о наличии у врага пулеметов и, возможно, противотанковых средств.

Когда я садился в машину, вероятность напороться на противотанковое орудие была оценена мной как низкая, что вполне подтвердилось. Уж следы тягача в лесу средний десантник вряд ли пропустил бы. Однако, как мне пришел случай убедиться, противотанковые средства немцев противотанковыми пушками не ограничивались и их противотанковые ружья, как оказалось, по легкобронированной технике вполне эффективны. Причем пули ПТР, насколько можно судить, снаряжаются какой-то довольно эффективной химией, вполне по-немецки рационально выкуривая экипаж, вместо попыток что-то там дополнительно разбить потерявшим энергию при пробитии брони сердечником внутри машины.

Если я правильно помнил какой-то форум, основной проблемой всех ПТ, включая наши, было очень низкое заброневое действие. А немцы, выходит, об этом побеспокоились и вме-

сто того, чтобы космическим образом увеличивать энергетику, что перспектив явно не имело, сделали перпендикулярный ход и начали травить экипажи какой-то гадской «Черемухой»²⁶.

В итоге, считая риск минимальным и рассчитывая даже при появлении противотанковых орудий с ходу их расстрелять, я оказался не готов к тому, что у противника окажутся эффективные ручные противотанковые средства, а сам он не растеряется и окажется достаточно храбрым, умелым и дисциплинированным, чтобы огнем по приборам наблюдения отвлечь наше внимание и позволить своим ПТР, а может даже и одному ПТР, по моей БМД отстреляться. Рискнул бы я так, коли предполагал у врага наличие более-менее современных ПТС²⁷, возможности которых мне, если не известны, то предполагаемы, допустим РПГ-7 или «Карл Густава»? Совсем не факт. А коли знал бы о возможностях ПТС противника? То же самое.

А собственно, почему мне наличие или отсутствие у противника эффективных противотанковых средств должно быть известно? У меня что, начальник ГРУ ГШ на прямом проводе? Или я с папуасами воюю, с косточкой на колбаске и парой пальмовых листьев на заднице? Передо мной армия, которая на данный момент захватила почти всю Европу и западные области моей страны, завалив упомянутые регионы битой бронетехникой. Без наличия эффективных противотанковых средств таких успехов не добиваются. И то, что я про эти противотанковые средства ничего не знаю, меня не оправдывает. Про немецкие ПТР я ничего не знаю, а вот про броню советских танков начала войны информации у меня было вполне достаточно, и она говорила, что броня моих БМД-4, как, впрочем, и БМП-1/2 и тем более БТР от БТ и Т-26 недалеко ушла. Чем-то ведь эти 20 000²⁸ танков немцы перебили? Что еще мне нужно было, чтобы осторожнее лезть в ближний бой или, как минимум, держать рошу на фронтальных ракурсах?

Что из этого следует? Что в этот раз я погиб из-за банальной недооценки противника, и повторять это в будущем особенно не стоило. Если, конечно, я собирался немцам отомстить.

А я собирался. Тихая бешеная ярость в ходе рассуждений, обобщения информации и формирования из нее выводов никуда не делась и требовала выхода. Потушить ее, как я чувствовал, могла только кровь. И я даже знал, где ее можно было пролить.

Но к планированию боя требовалось подойти как можно более основательно. И так, насколько я мог судить, фрицы либо уже находились в Огурце, когда мой взвод вышел к мосту, либо мы подошли к объекту одновременно.

Если поставить себя на место немецкого командира, что в первой, что во второй ситуации, лезть самому на пехотный взвод с тремя-четырьмя танками по голым приречным лугам – крайне глупая затея. И он, видимо, решил подождать подкрепления. Или вызвал его по радио, тут неважно.

Что мы видим в результате развития ситуации?

В первом случае противотанковые орудия расстреляли мои машины, как в тире, основной сложностью для немцев, видимо, было скрытно подтянуть их по лесу и попасть в более-менее уязвимые проекции, лобовая броня БМД все же достаточно неплоха. Как это они сделали, в принципе тоже можно угадать. Командиры орудий заранее наметили огневые позиции на окраине роши, и скрытый от наблюдения маршрут к ним, а также, видимо, заранее рассчитали все данные для стрельбы, и в результате, вытащив пушки на огневые, им осталось только

²⁶ Лейтенант попал не в бровь, а в глаз. Именно «Черемухой», она же CN, она же хлорацетофенон, входившей в снаряжение бронейных пуль калибра 7.92 мм немецких противотанковых ружей, его и отравили.

²⁷ ПТС – противотанковые средства.

²⁸ Суворов сильно преуменьшает. Уже на 1 июня 1941 года бронетанковый парк одной только Красной Армии составлял 25 932 машины, из которых лишь 3179 IV категории (требующих капитального ремонта либо подлежащих списанию). Впрочем, заметную боевую ценность там составляли только Т-34, КВ и несколько сотен Т-28, причем последние в условиях острой, даже на общем фоне, нехватки запасных частей, выпуск которых на Кировском заводе также был прекращен. Остальные обладали околотулевой защищенностью против всего спектра противотанковых средств вермахта и соответственно имели откровенно ничтожную боевую устойчивость, что 1941 год и продемонстрировал.

закрепить сошники и открыть огонь. При этом отмечу, у первого открывшего огонь орудия явно был еще и отличный наводчик – уничтожил у меня две машины в одиночку за считанные секунды.

Во второй ситуации, благодаря тому, что я торопился занять позицию и скорость движения колонны поддерживалась более высокой, подтянуть орудия фрицам не удалось. Однако их авангард, оценочно в силах стрелкового взвода, рошу занять успел и в этом случае. Далее они наблюдали выдвижение дозорного бронетранспортера, приняли меры к его уничтожению, а потом рубанули и мою БМД, продемонстрировав отличную дисциплину и выучку пехоты, а также высокую тактическую грамотность немецкого командира. Быстро сориентироваться в описанном ключе и уничтожить еще одну боевую машину при помощи всего лишь ПТР не всякий сможет.

По уму вот с этого слишком грамотного фрица мне и следовало бы начинать, но зачистка взвода в роше обещала мне определенные потери, на что пойти я не рискнул, оборонять рошу по опушке, где я бы мгновенно его вынес пушками боевых машин, этот грамотный дядя стал бы вряд ли. А значит, ну его, пусть под присмотром гранатометчиков свои елки охраняет. Мы займемся основными силами противника и попытаемся захватить их врасплох на марше.

Продумывая вариант выдвижения на западный берег и разгрома подходящей к мосту немецкой колонны, я внезапно поймал себя на мысли, что строю планы так, как будто двух оборвавшихся жизней у меня за спиной еще не было. Все мои действия грамотный командир, несомненно, мог предусмотреть с ходу, без всяких инопланетных переагрузок.

Замысел боя был довольно прост. Взвод, оставив гранатометчиков, БТР-Д и КамАЗы в районе высоты 44,8 под командованием лейтенанта Петренко, пересекает Чернянку по броду и выдвигается на север, вводя в заблуждение наблюдателей противника. Скрывшись за рошей Дальней лежащей за перекрестком, боевые машины меняют направление движения и, на высокой скорости проскочив между ней и лесом, выходят на проселок, параллельный железнодорожному полотну, после чего, выдвинувшись на пару-тройку километров вперед, уничтожают встреченную немецкую колонну.

При толике удачи находившиеся в Огурце немцы могли вообще не заметить смены нами направления движения. А если бы даже и заметили, скорость БМД говорила мне, что, даже получив тревожное радиосообщение, выдвигающаяся к мосту колонна должна была осознать опасность, уже заглядывая в стволы появившихся боевых машин. А то и после первых разрывов.

Выйдя к мосту, уже в кустарнике на обратном склоне высоты 44,8 я провел ставший традиционным митинг, в очередной раз обосновывая план легализации в новом старом времени. Личный состав традиционно меня поддержал, экскурсия по госпиталю, конечно, давала плюс к политико-моральному состоянию, но собственно была необязательной.

КамАЗы отогнали назад в лес, расчет АГС вместе с Петренко отправился копать окопы на топографическом гребне высоты 44,8, бронетранспортер встал чуть ниже и левее на обратном скате. Группа Петренко получила задачу обороны моста и брода в период, когда мои БМД шалят на другом берегу.

Никаких особых подвигов от лейтенанта не требовалось, все, что ему было надо – вовремя обнаружить противника и огнем АГС и «Корда» связать боем, удерживая на дистанции. Голые приречные луга, а также оптика АГС и крупнокалиберного пулемета подсказывали нам с Петренко, что задача для отделения вполне реальна. Водители КамАЗов после маскировки машин в лесу помимо их охраны должны были выставить наблюдательный пост, посадив бойца на дерево на его опушке, тем самым обеспечивая гранатометчиков от удара в спину.

* * *

Наши БМД, как и планировалось, перемахнули речку по броду, проскочили перекресток и, скрывшись за Дальней, повернули налево, в промежуток между роцей и лесом, где взвод встретила первая неприятная неожиданность.

Впрочем, двое немцев, охранявших по окраине рощи табун из полутора десятков мотоциклов, подозрительно похожих на «Уралы» (особенно те, что с колясками), ожидали столкнуться с тремя несущимися на огромной скорости танками несколько не больше нашего. Вот только сделать ничего не могли, все козыри были за нами. БМД чуть сбавили скорость и практически синхронно открыли огонь из автоматических пушек и пулеметов, превратив стоянку техники в огненное озеро.

Я даже и не понял, успел хоть кто-то из двух охранявших оставленную подразделением технику немцев сделать хотя бы один выстрел. Очередь тридцатимиллиметровой автоматической пушки в ключья разнесла ближайший к одному из них мотоцикл, обломки которого исчезли в огненном шаре взрыва бензобака и закрепленных на транспортном средстве канистр с горючим, окатив беднягу дождём горящего топлива и отправив охваченную пламенем фигуру метаться среди деревьев. Впрочем, недолго. Куда исчез второй, я даже не заметил, изображения перекрывали языки пламени и густой дым.

Оставив за спиной остовы пылающей техники и столб поднимающегося над лесом густого чёрного дыма, БМД выскочили на проселок, идущий вдоль железнодорожной насыпи, и, увеличив скорость, помчались по ней.

Маневр сработал, в Огурце за моей спиной не было видно ни единого движения, нацелившихся на мост немецких мотоциклистов, видимо, удалось обмануть. Даже сообразив, что к чему, немецкий командир по лесу не успевал вывести своих стрелков для перехвата моих БМД, замысел оказался верен. Осталось также грамотно построить бой с основными силами противника.

После предыдущих неудач внаглую лезть на противника я не собирался. Мои БМД были как линейные крейсера Британии времён Первой мировой войны – яичной скорлупой, вооруженной здоровенной кувалдой, – и лишать себя преимуществ, предоставляемых мощнейшим вооружением, с моей стороны, было крайне глупой затеей.

Мой замысел был достаточно прост и предусматривал два варианта развития событий.

– В случае внезапной встречи с врагом, используя высокую скорость и стабилизацию вооружения БМД, реализовать фактор неожиданности, свалиться фрицам как снег на голову, с ходу разнести авангард колонны и далее по мере возможности методично перемолоть остатки. Либо выйти из боя и уйти назад к мосту, если противник окажется слишком сильным, от ситуации.

– Не встретив противника на ближних подступах, встать в засаду в районе в значительной мере осушенного в мое время болота Навий Мох, вдоль которого пролегла дорога, после чего уничтожить колонну на дороге огнем с большой дистанции.

Второй вариант был бы самым приятным касательно представляющихся возможностей, но, к сожалению, лесисто-болотистый театр вокруг меня оставлял немного вариантов реализации характеристик оптики, СУО и вооружения моих машин. К большому подспудному неудовольствию, гадские инопланетяне в голую степь или пустыню меня закидывать не собирались, так что, дабы стрелять «Арканами» на шесть километров, мне сначала нужно было семь потов пролить, чтобы точку для этого найти. Причем не факт, что даже и найдя, – на другом конце этих шести километров противник обязательно бы обнаружился.

В радиусе десятка километров от моста засада у болота давала бы максимум возможностей по реализации моего огневого превосходства. Конечно, насколько это можно было судить

по карте 1989 года съемки, густо прорезанной в этом месте водоотводными канавами. Далее от гранатометчиков, моста и примерно взвода (возможно, усиленного) оставшихся без техники немецких мотоциклистов в Огурце я отрываться опасался. Немецкий командир взвода показал себя достаточно ушлым парнем.

Разумеется, как только боевые машины повернули от железки на север, жизнь пошла по неприятному сценарию и вместо безнаказанного расстрела немцев взводом из засады с дистанции полутора-двух километров я с фашистами на ней столкнулся. Бой пошел по первому варианту.

Вряд ли немецкие мотоциклисты в головном походном дозоре немецкой колонны услышали шум двигателей, однако звуки стрельбы и столб дыма впереди за лесом вполне могли их насторожить, в результате чего при плавном повороте дороги на север первым из-за деревьев показался мотоцикл с коляской, стоявший на лугу метрах в пятидесяти от опушки лесного массива, вдоль которого шла дорога. Возле мотоцикла стояли два немца, правый имел на груди бинокль.

Перед тем как Никишин открыл огонь, я машинально увеличил кратность командирского прицела и даже успел заметить ужас на лице немецкого унтера, в следующую секунду его вместе с товарищем смели трассеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.